

Ирина
Волчок

**300 ДНЕЙ
И ВСЯ
ОСТАВШАЯСЯ
ЖИЗНЬ**

Все люди – разные

Ирина Волчок

300 дней и вся оставшаяся жизнь

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волчок И.

300 дней и вся оставшаяся жизнь / И. Волчок — «Издательство АСТ», 2020 — (Все люди – разные)

ISBN 978-5-17-119509-0

Уходя в армию, Генка был уверен, что для его любви к Инночке не может быть никаких препятствий. Ни то, что Инночка его начальник, ни то, что она намного старше, ни ее почти взрослый сын... И даже то, что она не ответила ни на одно его письмо, не вызывало в нем сомнений в том, что она его дождется. Но с изуродованным лицом и беспалой рукой он не мог показаться ей на глаза. А Инночка просто не заметила, что он изуродован... Любовь слепа. Слепа? Да ничего подобного. Любовь умеет видеть главное большую душу, большое сердце, большую ответную любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119509-0

© Волчок И., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	37
Глава 14	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Волчок

300 дней и вся оставшаяся жизнь

© И. Волчок, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

«Ненавижу Москву», – привычно думала она. Причиной ненависти, пожалуй, было то, что ее мама называла «топографическим идиотизмом». Инна Лучинина – почти тридцати трех лет, русская, инициативная сотрудница, практически здоровая, да и вообще вполне нормальный человек, – была способна заблудиться на Курском вокзале. Да что там «была способна» – приезжая в столицу хотя бы раз в два года, она тут же, на вокзале, и переставала ориентироваться, блуждая среди ярких ларьков, лезущей в уши музыки, противных запахов общепита, бестолковых указателей, сонных, вздрюченных и сонно-вздрюченных пассажиров, злясь на себя все больше и почему-то не решаясь спросить дорогу до метро.

В метро тоже всё страшно раздражало: эскалатор, который норовил откусить шпильки новеньких осенних полусапожек, реклама, соседи по движущейся лестнице, снова реклама...

Впрочем, сегодня она почти не замечала всего того, что обычно ей так не нравилось. Сегодня она думала, что едет «туда, не знаю куда», и даже если ей удастся без дополнительных приключений добраться до места назначения, что и как там делать или не делать, тоже не понятно.

Красивое название подмосковного городка, где располагался военный госпиталь, Инночка для себя сразу, злобно и навсегда переделала в Крысьегнездовск. Этот Крысьегнездовск давно уже считался частью мегаполиса, но ехать до него надо было на электричке, причем с Павелецкого вокзала, на котором она ни разу не была.

«С моим счастьем – только по грибы, да и те разбегутся!» – непонятно почему вспомнились слова героя из любимой книги ее сына. Впрочем, «почему» – стало понятно буквально через десять минут: в расписании движения чертовых электричек на чертов Крысьегнездовск образовалось какое-то абсурдное «окно» в полтора часа. Следовательно, прибудет она в госпиталь – это если повезет с такси – не раньше двух часов. Будут ли еще в это время на месте врачи? Потому что встретиться с ним вот так, сразу, глаза в глаза, после того, что наговорила его мамаша, Инночка просто физически не могла. Как себя вести? Бодриться, балагурить? Этого она никогда не умела... Кричать, ругаться, возмущаться: почему не сообщил, не написал, не позвонил, почему такие новости она узнает через почти два месяца после событий? А собственно, почему должно быть иначе? Ведь она-то сама не написала ему ни единой строчки. Только эти ее дурацкие записи в дурацком дневнике... Но он-то о них и подозревать не мог, откуда бы?

А что, если она начнет плакать, просто реветь белугой, как профессиональная плакальщица на деревенских похоронах... У нее ведь слезы всегда были близко...

Ожидая загулявшую где-то электричку, Инночка с каким-то мучительным старанием вспоминала, как в офисе появилась... да баба, назвать это существо женщиной язык не поворачивался: ни шага в сторону от имиджа привокзальной (таких даже на вокзал не пускают) престарелой шлюхи. При всех она начала орать, что из-за «некоторых потаскух хорошие мальчики попадают на войну, любимого сыночку, кровиночку, изувечили, а она тут сидит вся из себя в шоколаде...»

В первые минуты она вообще ничего не поняла. Потом поняла и начала плакать. Сначала плакала, потом рыдала, а потом кто-то, кажется, Женька, влепил – этой, как ее? – Раисе Петровне пощечину – чтобы заткнулась, и ей, Инночке, тоже – чтобы успокоилась. Рыдать-то она перестала, но в голове по-прежнему билось: изувечили!

– Что значит – изувечили? – спросила она притихшую бабу.

Та сказала, что не знает, что письмо ей не сын прислал (от него дожدهшься, как же! Раз в месяц: со мной все в порядке – и все!), а сосед сына по палате в госпитале где-то под Москвой.

– Где письмо? – спросила Инночка. – Дайте мне письмо!

Баба швырнула ей в лицо порванный чуть ли не пополам конверт, сказала нечто такое, из чего Инночка и половины не поняла, а охранник Олежка восхищенно присвистнул. Раиса – как ее? – Петровна, хлопнув изо всех сил дверью, ушла. А Инночка осталась. С письмом. Вот оно, мятое, в сумочке.

Инночка щелкнула замочком кожаной сумочки, взяла в руки конверт. Вспомнила, как мучительно разбирала смазанный почтовый штемпель, чтобы выяснить, в какой именно подмосковный госпиталь ей надо ехать. И ехать сегодня же, ночным, чтобы утром быть уже в Москве, а днем (сутки – это много или мало?) увидеть его. Или нет – сначала поговорить с врачом.

«Здравствуйте, мамаша Геннадия! – начиналось письмо. – Не пишу вам „уважаемая“, потому что не уважаю. Ваш сын второй месяц гниет на больничной кровати, а от вас ни слуху, ни духу. Тут ко всем матеря поприезжали, невесты, а он один. Отвернется к стене и лежит. Почти и не разговаривает с нами, и гостинцы не берет, только сигареты».

Да уж, разговорчивостью он никогда не отличался. То ли дело письма, которых уже целый ящик стола у нее дома. И ведь не екнуло ничего у дуры, когда очередное письмо в среду – да, именно среда была – не пришло. И в четверг, и в пятницу, и дальше. Чуть ли не перекрестилась, почувствовав облегчение: все, разрубился Гордиев узел наконец, ну какая, к черту, любовь... Обидно, конечно, было. Ведь сама вроде уже поняла: не просто так, не просто так. И все равно вздохнула с облегчением – ну, не могло быть никакого будущего.

Трепануло Инночку где-то за две недели до прихода последнего письма. Мама, женщина с высшим образованием, в нормальной жизни чуждая всяким суевериям, тогда сказала: это тебе вещует. Надо было спросить, к худу или к добру, но ведь и спрашивать не понадобилось, правда? Вечером того же дня Сашка, обормот такой, сломал на тренировке руку, и она подумала: к худу, вот, сын руку сломал. А ведь, наверное, в этот самый миг за тысячу – или сколько там – километров до этой самой «горячей точки» другой мальчик, немногим старше Сашки, пожалуй, не менее дорогой ее сердцу, вскрикнул и упал, ухватившись рукой... За что ухватившись? Куда его ранили? Почему это отвратительное, цепляющееся за мысли слово «изувечили»? Что это значит с точки зрения явно малограмотного соседа по палате в военном госпитале подмосковного Крысьегнездовска?

Вещует... Она вспомнила, как рассмеялась на фразу матери: вещует! «Полноценной сексуальной жизнью жить надо!» – сказала Инночка тогда, а мать отчетливо поморщилась. А «вещувало» странно. И страшно.

Инночке приснилось, что она проснулась среди ночи. Вернее, это она потом поняла, что именно приснилось. А в тот момент все было абсолютно реальным – отблеск уличного фонаря на потолке, чуть сбившаяся штора, знакомый профиль книжной полки с дурацкими вазами с сухоцветами – мамина идея. Всем телом за спиной она ощущала присутствие: некто чудовищно сильный и грубый прижимал ее к себе, прижимал абсолютно недвусмысленно, бедром она чувствовала молнию на узких джинсах визитера и то, что жило своей отдельной жизнью прямо за молнией. Сказать, что Инночка ничего не понимала – это не сказать ничего: насильник в ее собственной кровати?!

Напрягая все мышцы – ну, какие могут быть мышцы у женщины весом в сорок восемь килограммов? – она сопротивлялась бешено, неистово, как всегда сопротивлялась любому грубому давлению, не похожая на себя, обычно выдержанную, деликатную, если не сказать заторможенную... И когда силы уже почти покинули ее, она вдруг осознала себя сидящей на кровати – естественно, в одиночестве. Дыхание со свистом вырывалось из груди. Рядом – никого. Значит, приснилось. «Вещует!» – сказала мама.

«Так что имейте совесть, мамаша, приезжайте, заберите малого домой, дома он, может, и очухается...» – уткнулись глаза в очередную строчку письма.

Изувечен... Он потерял руку? Ногу? Ослеп? Нет уж, лучше руку... Господи, о чем она думает! Мужiku, мальчику, собственно говоря, руку потерять! Идиотки кусок, тфу! Одна радость в жизни осталась – электричку подали на пути.

Инночка уселась у окна и стала опять вспоминать, вспоминать, вспоминать... С чего все началось? Как получилось, что она, симпатичная женщина, отличный профессионал, мать, будем надеяться, не плохая, и дочь уж точно не самая худшая, готова сейчас отдать если и не жизнь, то весь привычный уклад своей жизни – за одну добрую вестЬ? Или даже хотя бы просто за незлую...

С чего все началось? Наверно, с того, как она злилась над незнамо какой по счету чашкой крепчайшего кофе...

Глава 2

Теперь придется искать новую работу. Как глупо, как глупо все! Дура старая, потянуло на подвиги...

Инна Алексеевна подняла глаза к зеркалу. Оттуда на нее смотрело милое, «кукольное», как говорила мама, личико. Нежная гладкая кожа, выразительные глаза, тонкий прямой нос... Несмотря на указанный в паспорте возраст – тридцать два года, – ни одной морщинки. Да что там, молодые коллеги всегда звали ее Инночкой, девчонкам и в голову не приходило, что изящная, маленькая и худенькая Инночка если не в матери, то уж в тетки им точно годится. Ее вообще все любили и уважали – за профессионализм и деликатность... До сегодняшнего вечера. Она заварила еще кофе и опять начала вспоминать – по кругу, по кругу, по кругу...

Профессиональный праздник в конторе любили. Тащили из дома самые изысканные закуски, почти все шили или покупали обновки, начальник, довольно молодой строгий вдовец, пьянки на рабочем месте не одобрявший, из года в год в праздник сам баловал подчиненных шампанским и конфетами. В этот раз сели за стол поздно, в шестом часу. Соседом Инночки оказался ее непосредственный подчиненный, двадцатитрехлетний Геннадий, высокий, тощий, угрюмый юноша, помешанный на компьютерах. Если бы она только могла предположить, чем это кончится! Она бы сказала, что болит голова и улизнула бы домой. Или приняла бы приглашение бывшего мужа посетить модный ресторан. В конце концов, можно было бы, сплавив сыновей на танцульки, попойнствовать вдвоем с соседкой...

Но Инночка, туманно улыбаясь, сидела в конторе, потягивая вино. Народ во главе с начальником задорно скакал под какую-то эстраду, Полина Георгиевна, считавшая себя чем-то вроде мамки всем, кому не стукнуло пятьдесят, настраивала свой вокальный аппарат в могучей груди, готовясь начать с коронной «Степь да степь кругом». При первых же тактах медленной мелодии Джо Дассена Генка взял ее за руку и бесцветным голосом сообщил:

– Идем танцевать.

Вот так – не пригласил, не попросил, не сказал, а именно в известность поставил. Приказ номер шестьдесят два: ознакомьтесь и подпишите. Первая мысль, пришедшая ей в голову, когда она оказалась в его объятиях, была: господи, какой же он, оказывается, огромный! И как же осторожно он ее обнимает, как будто прячет под курткой букет цветов в непогоду. От колючего невзрачного свитера пахло сигаретами и еще чем-то неуловимым...

Вокруг нелепо толкались другие пары, когда Генка вдруг взял и поцеловал ее в губы настолько по-настоящему, что сердце Инночки на миг остановилось, а потом рухнуло в живот, продолжая биться там теплыми, сладкими ударами. Можно было, конечно, дать Генке пощечину или, оттолкнув, рассмеяться. Но ни того, ни другого она не сделала – было что-то в его поцелуе... Что-то не только плотское...

Пока играла музыка, все делали вид, что ничего экстраординарного не происходит. Как только замолчал Дассен, кто-то начал задорно кричать, как на свадьбе: «Раз, два, три!» – но голос не поддержали, и он замолк.

Инночка и Генка вернулись к столу. На них смотрели удивленно, непонимающе, смущенно. Генка налил водки себе и Инночке, много, по полстакана.

– Я столько не проглочу... – пробормотала она.

– Пей. Глазеть перестанут, – все так же, без интонаций, прошептал Генка. Он тяжело дышал.

Водка ударила сначала в желудок, потом в голову. Генкина рука лежала на ее талии, постепенно привлекая ее все ближе к колючему свитеру, к густым темным кудрям, которые давно пора было подстричь. Полина Георгиевна наконец запела, все увлеченно подхватили на

четыре голоса про ямщика и его печальную судьбу. Мягкие Генкины губы трогали Инночкины скулу, висок, шею, она чувствовала, как он дрожит.

– Пойдем покурим, – шепнул он.

Инночка почти не курила – так, под хорошее настроение и что-нибудь изысканное. Более того, она никогда не курила в конторе. Но какой-то безумный вихрь уже подхватил ее, и она, порывшись в сумочке в поисках «Ротманса», подчинилась Генкиной руке, увлекавшей ее в сторону темного коридора. Оказавшись вне пределов видимости коллег, они и не вспомнили про сигареты...

Потом было такси, безумные поцелуи на заднем сиденье, а в свою неухоженную однокомнатную квартиру Генка внес ее на руках, не зажигая света...

Когда все было кончено, он заснул, как ребенок – мгновенно и так и не выпустив ее из объятий, как любимую мягкую игрушку. С трудом освободившись, она бесшумно оделась и ушла. И вот теперь сидела на кухне над уже незнамо какой по счету чашкой крепкого кофе. Что она натворила? Зачем пошла на поводу у мальчишки, который лишь на девять лет старше ее сына? Какими глазами будут смотреть на нее коллеги? А он? Зачем он это сделал, неужели он не понимает, что опозорил ее? А она тоже хороша! Если бы она не пошла «покурить» (ха-ха-ха три раза!) в коридор, все можно было бы списать на пьянку, мол, подурачились немного и разошлись. А еще эти следы на шее, что она завтра скажет маме, сыну? И за все это время он не сказал ей ни слова, ни единого слова с тех пор, как позвал ее курить.

Инночка всерьез обдумывала самоубийство, когда зазвонил телефон. Полпятого утра. Первая мысль: что-то случилось, какое-нибудь несчастье. Она схватила трубку:

– Да!

– Почему ты ушла? Адрес запомнила? Приезжай, я тебя жду, – произнес знакомый голос без интонаций.

– Иди к черту!

Слезы наконец прорвались, это была почти истерика. Инночка швырнула трубку, а когда аппарат затрещал снова, выдернула штекер.

Утром она взяла больничный – участковая была ее одноклассницей и по совместительству лучшей подругой Тамаркой. В ответ на Инночкино бормотание про нервный срыв только спросила: «Недели хватит?»

Когда она наконец появилась на работе, коллеги сделали вид, что ничего не произошло. Генки нигде не было. Она поинтересовалась, где ее подчиненный, только на третий день.

– А ты разве не знаешь? – удивилась Полина Георгиевна. – Он же последнюю сессию завалил, его в армию забрали... – И неожиданно добавила: – Да не переживай ты так, он с первого дня по тебе сох, все знали, видать, кроме тебя...

Инночка шла домой, обуреваемая сложной гаммой чувств: облегчения от того, что коллеги, даже моралистка Полина, ее не осуждают, радости от того, что ей не придется краснеть, сталкиваясь с Генкой каждый день по сто раз, и смутной тоски по колючему свитеру с неуловимым запахом, кроме табачного.

Из почтового ящика вместе с газетами она вынула письмо и стала читать его прямо на лестнице: «Ты можешь не отвечать на мои письма, я все равно буду писать тебе каждый день. Писать проще, чем говорить... Ты, наверное, уже догадалась: я люблю тебя, и мне наплевать на все остальное. Мне осталось ждать всего 700 дней...»

Войдя в квартиру, Инночка посмотрела на календарь: 700 дней – это много или мало?

Глава 3

Исписанный мелким почерком листок в клеточку слегка дрожал в ее руке: «Здесь потрясающе – просто чувствуешь себя каким-то партизаном. Или даже неандертальцем. Если бы ты была здесь, со мной, я обязательно нашел бы какого-нибудь мамонта, подстрелил бы его из гранатомета (я уже умею) и у тебя была бы еда и одежда...»

Инночка раздраженно отбросила письмо из «Владимирской области, в/ч фиг знает что». Мамонт! Мальчишка! Любой порядочный мужчина знает, что Инночке нужно итальянское кашемировое пальто в 400 граммов весом (на днях в «Отелло» видела, тридцать восемь тысяч рублей), а не тяжеленная шкура какого-то мамонта.

Она представила себе несчастное доисторическое животное с огромными бивнями и с дымящейся дырой в боку, а рядом гордого Генку. Нет, скорее он был бы равнодушен, как остывающий мамонт... Мысли сразу перескочили на колючий неизвестного цвета и фасона свитер с запахом табака и еще чего-то такого, из-за чего хотелось уткнуться носом в его плечо и ощутить на себе тяжелую неловкую руку.

Нет, ну вот сколько можно об этом думать, а? Ну ведь почти тридцать три года дуре, ну пора бы уже стряхнуть наваждение. Кое-кто из ее знакомых периодически пользуется юных мальчишек по пьянке, и уж чем-чем, а совестью не мучается. Или, может, дело в том, что мальчишки про этих самых знакомых потом и не вспоминают?

Четвертое Генкино письмо отправилось к предыдущим трем, в единственный запирающийся ящик стола, к пачке презервативов и колоде эротических карт – эту дрянь приволок домой бывший муж в свой последний визит в ожидании примирения. Ключ – это и от Сашки, четырнадцатилетнего оглоуда, и от мамы, которая до сих пор свято уверена, что секс – это стыдно и нужно только для продолжения рода.

Вот, между прочим, она думает о чем попало. А завтра надо хорошо выглядеть. Между прочим, на работу новое начальство присылают. А встречают, между прочим, соответственно... А посему – маникюр, укладка, пилинг...

Колготки! Как это она забыла? У нее же ни одних целых колготок нет!

Все-таки жаль, что она не расплылась после рождения Сашки. На нее до сих пор оглядывались на улице. Поскольку карате Инночка не владела, а насиловать ее (оба раза безуспешно, но все таки) пытались, она старалась держаться ближе к стенам домов. И все равно какой-то козел засвистел вслед. Снова мысль, непрошенная, раздражающая. Шла бы она сейчас с Генкой, огромным, лохматым, угрюмым, – знаешь, куда бы ты свой свист засунул?

Да что она думает все время о нем, влюбилась, что ли? И снова картина перед мысленным взглядом: вот они с Генкой, ну, покупают, например, ему обувь. Интересно, нашли ему в армии сапоги сорок последнего размера или он так и скачет по своему Гороховецкому полигону в каких-нибудь немыслимых онучах? «Мамаша, – ехидно спрашивает укутанная в сто платков базарная курица, – вашему сыночку черные или коричневые?»

Инночка аж задохнулась от унижения, и вполне всерьез стала придумывать уничижительный ответ той базарной курице. Пока не сообразила, что никакая базарная торговка не будет ей задавать таких вопросов, так что и отвечать на такие вопросы ей не придется. Инночка не очень весело хмыкнула и наконец нырнула за тяжелую дверь магазина «Грация».

Обладая исключительно миниатюрными размерами, она всегда долго маялась при покупке белья. А тем более сейчас, когда пишут «А-П», а на самом деле это все оказывается аж «С-IV».

– Мадам, – послышался сзади вкрадчивый голос. – Позвольте воспользоваться вашей попкой!

Инночка аж остолбенеть забыла – обернулась. Перед ней стоял мужчина ее мечты: не слишком высокий, донельзя ухоженный, в дорогих очках. Мужчина с плаката... И тут до нее дошло, что именно он сказал.

– Да как вы смеете?!

– Я не совсем то имел в виду, просто у моей старшей дочери такой же... как бы это выразить...

– Бампер? Буфера? – рассвирепела Инночка. – И что это значит – не совсем?!

– Это значит, что вашими прелестями я бы не отказался воспользоваться и по прямому назначению! – нагло заявил голливудский красавец.

Она беспомощно оглянулась. Никто из продавщиц и не собирался обрывать явно перспективного клиента. И тогда она сделала то, чего не делала никогда в жизни, – с размаху (и откуда сила-то!) смазала этого голливудского красавца кулаком прямо по дорогушим французским очкам. А подумав секунду, добавила с другой стороны.

Уносясь, как трепетная лань, из застывшей в немой сцене «Грации», Инночка хохотала как безумная, сквозь смех приговаривая: «Подставь левую, подставь левую, козел!»

Колготки пришлось купить в дешевом ларьке. Дома она снова (зачем? от обиды, наверное) достала из ящика письмо.

«В палатке так холодно, что кажется, что тепло. Если какое-то время лежать не двигаясь и сосредоточиться, то кажется, что ты лежишь рядом, прижавшись к моему животу спиной, а я тебя обнимаю. И нам так хорошо вместе, что не хочется разговаривать, даже дышать. Я знаю, ты обязательно сейчас думаешь обо мне, а не пишешь потому, что занята. Или потому, что уже забыла, как писать рукой, на работе все же на компьютере делали. А еще я хочу посадить тебя к себе на колени и показать какой-нибудь из „Doom“ – желательно последний, и чтобы комп помощнее и видеокарта покруче. Тогда ты будешь инстинктивно уклоняться от противников, а я буду сидеть смирно-смирно, и ты сама будешь касаться меня плечами и волосами. Я люблю тебя. Так люблю, что даже по имени не могу себя заставить тебя называть. Заставлю: Инна. Инночка. Моя Инночка».

Глава 4

Шумела вода. Инночка сидела на бортике ванны: писем стало слишком много, надо было ка к-то шифроваться.

«...Теперь я смогу писать тебе два или даже три раза в день – попал в больничку, так тут называют военный госпиталь. На самом деле полная фигня, дефицит веса называется. В общем, если тебе нравится смотреть по ящику всякие дефиле (не знаю, как это слово правильно пишется), то я как раз мужчина твоей мечты, во мне осталось пятьдесят восемь килограммов. Из семидесяти девяти. Но обещаю, ты будешь любить меня по-настоящему, а не из жалости, потому что кормят здесь как на убой...»

На убой – это, видимо, чтобы патроны на расстрел этих горе-солдат не тратить. Сегодняшние неприятности – страшнейшие, можно сказать, фатальные неприятности – вдруг вылетели из Инночкиной головы. Она попыталась представить себе Генку, уменьшившегося почти на треть. Во время той их единственной ночи, и даже, в общем, не ночи, а сначала исступления, а потом истерики, ни толстым, ни полным, ни упитанным он ей не показался. Скорее тощим, как ее старый велосипед, догнивающий где-то на чердаке в деревне у бабушки.

На треть, на треть... Ноги по колено отрубить? Тьфу, гадость какая в голову лезет... Пятьдесят восемь килограммов... У нее самой сорок восемь – но он выше ее на полторы головы, а на его ладонь она может вполне комфортно усесться. Ну примерно.

Бедный мальчик... А ведь ее Сашке тоже в армию идти, и совсем скоро, через три с половиной года...

Господи, о чем она думает? Ей надо думать совсем о другом. Ведь она на этот раз действительно крупно вляпалась, и увольняться с довольно рыбного места ей придется не из-за какой-то дурацкой выходки дурацкого мальчишки, а по статье! Ее, возможно, даже посадят! Это вчера вечером они с мамой и Сашкой заливались хохотом, обсуждая происшествие в «Грации». А сегодня утром выяснилась ужасная вещь. И, увы, не дешевые колготки оказались велики, и не ноготь сломался, и не сервер на работе слетел...

Выяснилось следующее: новый начальник Виталий Валентинович Голубев на работу нынче не явится. По причине наличия у вышеозначенного Виталия Валентиновича вполне законного больничного листа. И не грипп, не бубонная чума, не холера скосила красавца-мужчину во цвете лет. Его жестоко и беспричинно до полусмерти отходила какая-то пигалица в магазине дамского белья «Грация», куда он завернул купить дочери презент на совершеннолетие. При большом скоплении возмущенных свидетелей.

– И будет он полный дурак, если не подаст на нее в суд, – резюмировала Полина Георгиевна, которая на добрый десяток лет была старше нового директора и уже заочно взяла над ним шефство. – Виданное ли дело, очки в золотой оправе прямо на лице у человека так помять, что как будто корова их жевала!

При этом завершающем аккорде молодежь заржала, как застоявшиеся казацкие кони, а вжавшаяся в колючий аспарагус Инночка пискнула:

– Так он в больнице?

– В какой, к черту, больнице, дома бодягу небось к синякам прикладывает!

– Новые очки покупает! Платиновые. Но с темными стеклами! – резвилась молодежь.

– Нет, ну почему у меня завсегда сердце радуется, когда простой человек какому-нибудь богатенькому Буратино в рыло двинет, а? – балагурили коллеги.

– А с чего ты решил, Женька, что пигалица эта самая – простой человек, а не кто-нибудь из наших, из так называемой интеллигенции? – Поставила вопрос ребром Полина.

– Полина Георгиевна, ну вы даете! Конечно, какая-нибудь работница обувной фабрики, ошалевшая от тамошних цен, или нянечка из детского садика. Ну не Инночка же наша рыло этому, как его, Виталию Валентиновичу расквасила!

Тут Инночка была вынуждена раскашляться и бежать в туалет, и жадно, затяжка за затяжкой, хватать сигаретный дым.

Рабочий день завершился нервно, но Армагеддон местного масштаба предстоял дома: не сказать маме, что объект вчерашних насмешек, голливудского вида любитель абсолютно посторонних попок, и есть будущий Инночкин начальник, преступница не смогла.

– Господи, Нуся, ну почему ты без конца вляпываешься в дерьмо?

– Мама...

– Да, именно дерьмо! Чем тебе был не хорош Никита, с которым вы дружили в школе? Чем?

– Он постоянно поправлял штаны...

– Ну и что?

– На этом самом месте, мама! Это отвратительно!

– Зато теперь он профессор!

– Педагогики, – брякнула Инночка и тут же пожалела о сказанном: Капитолина Ивановна была педагогом с сорокалетним стажем, и намеки на халявность педагогического труда не терпела.

После трех литров слез, посвященных дочерней неблагодарности в частности и бестолковости вообще, а также шести таблеток валерьянки и двух (в качестве тяжелой артиллерии) – валидола воспитательный процесс был продолжен:

– А Славик? Твой бывший? Зачем нужно было выслеживать его с этой его блондинкой? Тем более что он все равно ее сразу же бросил!

– Но мама, я не выслеживала! Я застала их в нашей со Славиком постели, а на ней, к слову, был мой пеньюар...

– Который привез тебе из Франции Славик!

– Ты же сама моешь им плитку, я к этой дряни и не прикоснусь больше!

– А письма, Нуся? – вдруг совершенно спокойным голосом сказала мама. – Письма, которые ты получаешь пачками и перечитываешь в ванной? Письма, которые лежат в столе рядом с порнографией и этой гадостью? Ты связалась с зеком?

Ответить было нечего.

«...Здесь есть библиотека. Я решил: раз я влюблен – буду читать стихи. Попался Бродский, собственно, не Маяковского же мне читать? У него есть потрясающая вещь, „Зимняя почта“ называется. Ну, в смысле медленная, наверное, ямики по дороге замерзают, как в Полининой песне, помнишь? Так вот начинается это стихотворение словами: „Я, кажется, пишу одной тебе“. А мне хочется добавить: „Простыми вилами по глянцевой воде“. Ведь и то и другое правда: я пишу только тебе одной, а ты не отвечаешь, значит, мои письма и есть письма на воде. Хотя, конечно, стоит придумать что-нибудь поромантичнее, чем вилы, правда? Боюсь написать в конце „целую“ – вдруг ты обидишься, как в ту ночь, и уедешь на такси неизвестно куда...»

Глава 5

Она решила никуда не ходить. Так называемые «половые праздники» – двадцать третье февраля и восьмое марта – с подросткового возраста казались ей отвратительными по своей сути. В конторе большие надежды возлагались на грядущую пьянку с Терпилой (так конторская молодежь окрестила Виталия Валентиновича Голубева, директора, руководителя, отца-командира, можно сказать) во главе: ведь ничто так не сближает, как коллективное распитие горячительных напитков, правда? Сближаться ни с кем не хотелось.

Профигурировал бывший муж. Но Инночка охотно предпочла бы лесоповал и каменоломни в одном флаконе общению со Славиком. Собственно, какого дьявола она вообще поддерживает с ним отношения? Сашке он не нужен – ни он сам, ни его деньги. Мама в глубине души его презирает. Почему бы не послать его куда подальше, а, Инна Алексеевна? Наверно, она просто слишком ленива. Это ведь надо кричать, ругаться, закатывать истерики. А может, она просто его боится?

Она рассеянно рассматривала только что связанную половинку спинки свитера. Пальцы уже отваливаются. Ящик посмотреть? А с кем бы она вообще хотела провести вечер «международного женского дня»? Чего себя обманывать, очередное Генкино письмо не выходило из головы: прогулка по заснеженному сумрачному лесу в обществе ее свежееобученного терминатора представлялась достаточно безопасной, чтобы быть романтичной. Она вообще довольно часто последнее время думала о своем бывшем подчиненном, столь резко и неожиданно поменявшем их отношения. И уж если быть честной хотя бы с собой, поменявшем если и не жизнь, то ее отношение к жизни. Что интересно, давно уже отвыкшая от присутствия мужчины Инна Алексеевна рисовала в богатом своем воображении сцены, весьма далекие от откровенных: прогулки, разговоры, поступки. Короче, сплошная романтика и никакого секса. Возможно, этому способствовал общий тон Генкиных писем:

«Я бы рад пообещать тебе аргентинские орхидеи, устрицы и шампанское в кафешантане на Монмартре и алмазную диадему в честь международного женского дня восьмого марта. Увы! Сейчас я бы смог предложить лишь побродить по ночному лесу с букетом из смирзшихся еловых веток. Да что там – я и разговаривать-то толком разучился, здесь вся лингвистика состоит из семи всем известных корней, даже глаголы растворились в океане ненормативной лексики. Все это, конечно, временное, а я просто нытик. Но я уже две недели постоянно думаю о том, насколько я был бы счастливее, если бы хоть раз мне удалось услышать твой тихий смех в темноте...»

Да уж, тихий смех в темноте... Теперь она и сама об этом постоянно думала...

В дверь позвонили. Сашка с дискотеки? Рановато...

– Нуся, иди, к тебе Тамара!

Мама Томку недолюбливала, но с наличием у дочери подружки приходилось мириться: Тамарин супруг, существо абсолютно безотказное («Подкаблучник, по-другому и не скажешь!») часто помогал Лучининым по хозяйству – мебель передвинуть, полочки повесить, прокладки в кранах поменять.

– Так, Лучинина, чего расселась?

Томка, появляясь даже на открытом пространстве, не говоря уж про помещения, всегда производила впечатление миниатюрного торнадо. В школе они с Инночкой сидели за одной партой, всю жизнь прожили на одной лестничной площадке, дружили с детского сада и по сию пору. Но, что удивительно, будучи похожими друг на друга чисто внешне, были настолько раз-

ными по характеру, что только тот, кто видел Томку и Инночку впервые, причем в состоянии полного покоя, лучше спящими, мог это сходство заметить. Все остальные – общие друзья, соседи и родственники – в один голос утверждали: да, только противоположности сходятся. Вот лучший пример: Томка и Инночка.

– С дуба рухнуть, праздник на дворе, а она вяжет! А ну, отрывай задницу от дивана, все уже в сборе!

– Вот грубая ты, Томка, и неженственная... А кто в сборе? И где? И по какому поводу?

– Слушай, Лучинина, ты примерно с Нового года какая-то малахольная! Может, тебя доктору показать? У нас в поликлинике психиатр отличный, Федор Михалыч. Сегодня бабьин день, Восьмое марта, забыла? И Фридка с Катюхой уже двадцать минут над полными рюмками кукуют. А Мишку я выгнала в баню, пусть с мужиками празднуют, восьмое марта без козлов, отличная традиция!

Инночка задумчиво оглядела себя: домашние джинсы, свитер – ее первый опыт на ниве ручного трикотажа, в связи с чем употребляется только дома и на даче, теплые шерстяные носки. Не будет она переодеваться, уютная одежда, перед кем выставляться, перед Томкой и Фридкой, что ли?

Сунуть ноги в тапочки и пересечь лестничную площадку – две минуты. Томка, как всегда, раздула из мухи слона: раскрасневшаяся от мороза Катька, Екатерина Александровна, недавно открывшая для себя прелести новой должности – заммэра по какой-то трудно произносимой социальной белиберде, – прихорашивалась перед зеркалом в прихожей, а меланхоличная Фрида медленно и печально резала хлеб. На столе красовалась охалка привядшей мимозы – Томкин Мишка не отступал от традиций ни на шаг.

– Ну, бабоньки...

Катька зацепила это отвратительное «бабоньки» на широкомасштабной гулянке, посвященной Катькиному тридцатилетию, и привычное «девочки» навсегда исчезло из ее словарного запаса. А жаль – бабоньками ни Фридка, ни Инночка, ни Катька себя не ощущали. «Интересно, – ехидничала утонченная Фрида, – она, когда старшеклассницам грамоты какие-нибудь выдает, тоже на всю мэрию орет: „Бабоньки!“?»

– За нас, молодых, худых и почти красивых! – Тамара по-гусарски хлопнула полную стопку водки.

– Господи, Тома, что за речевые штампы, ты же интеллигентный человек, доктор... – состроила кислую мину Фрида.

Тут уж взвилась Катька:

– Тамар, налей ей сразу еще одну, а то будет еще полчаса занудствовать!

Ловко разлив водку – «Пуля, пуля свиснуть не должна!», – Тамара, усевшись, поинтересовалась:

– Ну, о чем разговаривать будем? О любви или о мужиках?

– О мужиках Фридке с Инночкой не интересно, Тамар, давай о любви.

– Девчонки, пусть Фрида почитает. Фрид, что-нибудь новенькое, а? – подала голос Инночка. Балагурки притихли.

Фрида была настоящая, в смысле – член Союза писателей, поэтесса, получала стипендию и раз в год выпускала книжки стихов. Как ни странно, но тиражи Фридиных творений, пусть и не многомиллионные, довольно быстро расходились. Инночку это не удивляло: стихи были тонкие, умные, в меру философичные и очень женственные. Катька с Томкой ни бельмеса в стихах не понимали, но гордились: как же, подруги детства современной Сафо. Впрочем, кто такая эта самая Сафо, обе тоже не особо догадывались.

Фрида привычно полуприкрыла глаза. По поводу внешности поэтессы мнения подруг расходились: грубая и неженственная Томка считала бледность, длинный нос и узкие губы признаками желчного характера и анемии («Говорю вам как врач!»), Катька всерьез восхища-

лась вкусом Фриды (видимо, сознавая полную неприменимость к себе, кустодиевской, кружевных воротничков, шалей и камеи), а Инночка, иногда совавшая свой нос в любимое Сашкино фэнтези, про себя называла поэтессу легкокрылым эльфом.

– Прерванная любовь, – заявила Фрида и, смутившись, добавила: – Это название. – Последовала, как положено, пауза. Затем она тихо начала:

Кто я? В золотой клетке тела заключенная душа?
Тончайшее устройство – механизм балерины?
Поющая часть скворца, издающая, не дыша,
Колебания воздуха? Сбрасывая личины,
С каждым разом обнаруживаю изменения:
Так тасуются карты, так ветер играет газетой...
Так меняют «любовь» на «просто жить».
Смущенье, как правило, чуждо этому Рубикону.
Пепел, нет, ни ядерной катастрофы, просто «Бонда»,
Запретным огоньком сгребая по хрусталику,
Я равнодушно думаю: уже поздно,
Пора снова в спячку, я больше его не люблю...
И искренне не понимаю, как, плавя мозг,
Ожидание стекало слезами, слезами в ладони.
Не спать по ночам, задавая никчемный вопрос:
«Когда?!» Словно распятый на телефонной Голгофе разбойник...
Но достигнутая цель не понятна, и даже смешна,
Вызвав любовь, как из бутылки – джинна,
Я сыто улыбаюсь, желая остаться одна,
Наедине с зеркалом. Лик? Лицо? Личина?

Низкий, немного хриплый голос Фриды оставил после себя повисшую паузу.

– Как красиво: менять любовь на «просто жить»... Ожидание стекало слезами в ладони, – тихо сказала Инночка и неожиданно для себя добавила: – Я так хочу услышать твой тихий смех в темноте...

Фрида мгновенно вынырнула из своего полутранса:

– Как-как? Услышать твой тихий смех в темноте? Инка, ты сама придумала?

– Н-нет, прочитала, наверное, где-то, – почти не соврала Инночка.

– А жаль... А то бы я у тебя эту метафору приватизировала... Ладно, хватит о высоком. Давайте уже будем водку пить!

– И разговаривать о мужиках? – влезла Тамара.

– Ага! О жадинах, хвастунах и дураках! – припечатала Катерина, безусловно – самая компетентная в предлагаемой теме.

Глава 6

– Вот я – б...! – выпив, констатировала Катька.

– А можно без великого и могучего? – страдальчески простонала Фрида. – Давай заменим твой эпитет, ну, я не знаю, словосочетани ем «веселая женщина», например.

– Ты, Фридка, существо бесполое, так что и не лезь. Как ты там предложила? Веселая женщина? Это вам не шлюха. И не проститутка тем более.

– А Катьку-то нашу понесло, – шепнула Инночке Тамара.

Монолог пьяненькой заместительницы мэра о многочисленных типах женской психологии и прямой зависимости от этих самых типов женских судеб подружки слышали не впервые. Собственно говоря, только Фрида, существо возвышенное и творческое, не считала Екатерину Александровну женщиной, как сейчас говорят, во всех отношениях успешной. Тем временем Катька продолжала, уже не стесняясь в выражениях:

– Проститутка – это когда за деньги! Так, кусок мяса. Шлюха – это когда он хочет, а она слушается. А б... – извините, веселая женщина, – это когда хочет она сама. И, между прочим, мужики это ценят!

– Да ну тебя, Кать, я вот не согласна: я люблю своего Мишку, и он меня любит. И чем плохо?

– Попробовал бы он тебя не любить, размазня эта! Тоже мне мужик, не украсть, не покараулить. А ты дура! С такой внешностью, как у тебя, да я бы горы свернула...

– Что ж Инка-то не свернула, – ехидно влезла Фрида, будучи уже тоже порядком на взводе. – Они с Тамарой – двое из ларца, одинаковы с лица.

Тамара и Инночка переглянулись и захохотали, как сумасшедшие.

– Кать, хватит буйствовать! Ты лучше скажи, какой мужик тебя бы устроил, чтоб ты из койки в койку скакать перестала? Ты подумай пока, а я на правах хозяйки разолью.

Тамара занялась своими барменскими обязанностями, а Инночка задумалась, какой бы мужчина устроил ее саму. Мысль, всплывшая сразу, при последующей внутренней дискуссии казалась если и не навеянной алкоголем, то явно скоропалительной: анти-Славик. Не толстый, не кобелистый, умный и чтобы обязательно любил ее, Инночку. Сильно. Страстно. Нежно. Со всеми ее недостатками, проблемами, домочадцами и чадами. Конкретизация мифического анти-Славика оказалась такой очевидной, что Инночка опешила: оказывается, ее идеальный мужчина вовсе не помесь Брэда Питта с Альбертом Эйнштейном и Петраркой. Идеальный мужчина за тысячу километров отсюда мерз, голодал и упражнялся в эпистолярном жанре. Любитель тихого женского смеха в темноте. Стоп. Не женского, а ее, Инночкиного. Как можно любить то, что никогда не слышал? Ведь в той единственной их общей на двоих темноте им обоим было не до смеха.

Инночка поняла, что отвлеклась и упустила нить дискуссии. Надо полагать, Катька перечисляла обязательные достоинства потенциального избранника:

– Молод, красив...

Ага, догадалась Инночка, это уже середина списка.

– ...Богат и чтобы обязательно подонок. Но гламурный!..

– Подожди, Кать! Я что-то не пойму, в чем гламур подонка и что вообще под словом «поддон» понимаешь? – перебила Тамара.

– Я тебе сто раз говорила: ты, Томка, курица семейная. Тебе надо, чтобы в растянутом трико с отверткой в руке и секс строго по субботам, потому что во все остальные дни – завтра на работу.

– И действительно, какая может быть страсть, если нет борьбы... – влезла Фрида.

Захмелевшая Инночка тоже решила вставить словечко в полемику, процитировав Капитолину Ивановну, отозвавшуюся о ком-то из родни:

– Ага, не пьет, не бьет, не изменяет! Скучно!

– И скучно! – горячилась заместительница мэра. – А гламурный – это когда мужик ночной крем от дневного отличает, делает маникюр, и одеколон у него не меньше чем за шестьсот баксов.

– За шестьсот баксов мы бы с мамой в Египет смотались бы...

– Ну, так и раскрути этого кабана, бывшего своего. Я больше чем уверена, что он и сегодня тебя в кабаки звал.

– Звал, – вздохнула Инночка. – Только меня от него уже не просто тошнит, а выворачивает...

– Вы посмотрите, девки, какая дура: ты хоть помнишь, когда с мужиком в последний раз в постели была?! Пять лет назад, со своим боровом?

– В декабре... – брякнула Инночка.

– Стоп, с этого места попрошу поподробнее! – оживилась Томка.

– Колись, Лучинина, мальчика по вызову заказывала? – развлекалась Катька.

На помощь Инночке неожиданно пришла Фрида:

– Давайте сменим тему. Вот вы все любите, например, мягкие игрушки?

Поворот оказался столь резким, что любительницы подробностей чужой личной жизни застыли с открытыми ртами. Инночка воспользовалась ситуацией:

– Терпеть не могу. И так хлама в квартире выше крыши, а тут еще эти пылесборники. А дарят мне их регулярно потому, наверное, что я ростом не вышла. Так я этих заек, медведей и собачек близнецам двоюродной сестры отношу. Жаль, девчонкам уже по восемь, надо других детей, помоложе, искать.

Тема ее декабрьского приключения отошла на второй план: как выяснилось, и Катька, и Тамара игрушки любили, а Катька даже одно время коллекцию собирала.

– На днях, – мечтательно закатила глаза Тамара, – в «Детском мире» такой медвежонок классенький, на витрине, ужасно одинокий, но девятьсот рублей, это ж неделю семью кормить можно...

– Нет, подожди, пусть Фрида скажет, что хотела! – влезла Катька. – Тоже мне, деньги великие, да лифчик приличный в два раза больше стоит! Говори, возвышенная наша, что ты имеешь против мягких игрушек?

Фрида извлекла откуда-то из-под шали длиннющий мундштук, неторопливо зарядила его такого же нестандартного фасона сигареткой и уставилась на подруг.

– Это в смысле «мужчина, угостите даму спичкой», – глупо хихикнула Инночка и чиркнула фирменной, с золотой накладкой, Катенькиной «Зиппо». – Просто НЭП какой-то... Не томи, Фрид, развенчай идею коллекционирования, расстреляй умозрительного плюшевого зайчика! У тебя гламурно, как Катька скажет, должно получиться.

– А коллекционирование тут вовсе ни при чем... – Фрида выпустила ароматное облачко дыма. – Речь у нас с вами, сударыни, пойдет о некрофилии.

– Что?! – опешила Катька.

– «Некро» – мертвый, «филос» – любить, – блеснула знаниями латыни участковый терапевт Тамара Федоровна. Последние пара рюмок были явно лишними, эмоционально радиоактивная Томка уже утратила способность удивляться и завтра наверняка будет маяться похмельем.

– Сейчас я вам всю цепочку разложу. Уф, в башке туман... – Фрида, несмотря на общую богомность, пьющая редко и пьянеющая быстро, с каждой минутой теряла подчеркнутую стильную речь, жаргонизмы выползали из своих мышиных норок все отважнее. – Всё равно... Почему женщинам нравятся мягкие игрушки? Так, Кать, не дергайся, вопрос ри-то-рический.

Потому, что они миленькие, потому, что пока они в магазине, они как бы бесхозные и их жалко. Так? А теперь представьте себе, что игрушка очень красивая, мех блестящий, мордаха симпатичная, здорово, да?

– Ну, – почувствовав подвох, насторожилась пьяненькая Катька.

– А теперь ма-аленькая метаморфоза: положим, игрушка сделана из натурального меха...

– Класс! – повелась на провокацию Катька. – Только дорого, наверное, медвежонок как самолет будет стоять!

– Не перебивай, ты не в мэрии! – строго оборвала Катьку Фрида. – Пойдем дальше: игрушка не абстрактная, а конкретная...

– Это как? – вконец запуталась Инночка.

– Ну, цельную шкурку, например, зайца аккуратно набивают... Чем их там набивают?

– Антисанитария! – неожиданно икнула Томка. – Мик-ик-ропаразиты, клещи...

– А чем тогда такое чучело отличается от трупа животного? В трупе, между прочим, хоть мясо есть. Он тоже блестящий, и мордаха симпатичная. С одной стороны – жалкий, бесхозный, с другой – никуда не убежишь, люби его, он твой!

– Нет, Фрид, это вывернутая какая-то логика, ты не права... – Инночка даже протрезвела слегка. – Всю жизнь я была уверена, что любовь к мягким игрушкам – это сублимация неудавшихся отношений между мужчиной и женщиной.

– Дуры, – очнулась наконец Тамара. – Это призрак детства!

...Через час, уже засыпая, Инночка подумала: если рассказывать кому-нибудь о своих «чувствах», так уж точно не Томке. И не Катьке. Хотя, наверно, психологически – или психиатрически? – подкованная Фрида поставит ей, Инночке, позорный диагноз: острый приступ педофилии... Тьфу, вот же гадость всякая в голову лезет...

Спать, спать, спать, завтра вставать ни свет, ни заря...

Глава 7

«...Нет, весна на юге – это правда очень классно. Помнишь, был дурацкий анекдот: „Хочу ли я? Могу ли я? А, магнолия!“ Ужасно красивая итуковина, вроде помеси пиона и кувшинки, если я, конечно, что-нибудь в цветах понимаю. И растет на здоровенных деревьях. Вспоминая о том, как ты любишь свой дурацкий колючий куст, думаю, этой самой магнолией я бы покори́л твое сердце... Чудесная страна. И слухи о боевых действиях сильно преувеличены...»

Вчерашнюю почту Инночка читала, как говорил ее Сашка, мимо кассы, почти ничего не понимая, в состоянии крайнего мандража.

Новый босс, Виталий Валентинович, в коллективе уже известный как Терпила, третий час восседал в своем кабинете, принимая подчиненных по одному. Начал с уборщицы и Олежека.

Инночка была заведомо и их заводдельская когорта только выдвинулась на передовые рубежи. Упорно муссировался слух, что они все уже уволены гуртом, а договоры на дальнейшее сотрудничество Терпила будет подписывать по результатам текущего собеседования. О, как она готовилась к этому самому собеседованию! Наверное, даже не меньше, чем перед свадьбой со Славиком волновалась. Поначалу весьма достойной показалась идея кардинальным образом изменить имидж: натянуть на нос очки с простыми стеклами, хорошо бы слегка тонированными, из светло-русой, чуть в рыжину, перекраситься в радикально-черный цвет, натянуть Сашкины кожаные штаны с заклепками, в общем «замутить бодягу», как говорит любимый отпрыск, и заделаться престарелой панкушкой. Но! Во-первых, вся контора разом превратится в испанскую инквизицию и замучит насмерть вопросами, но уж чьи-чьи, а Жанны Д'Арк лавры Инночке не улыбались. А во-вторых, если и затеваться с этим театром, то постоянное напряжение, требующееся для поддержания балагана, вымотало бы ее очень быстро. Случайно сняла ненужные очки, не углядела, когда светлые корни волос через краску показались, в припадке острого идиотизма сменила кожаные портки на привычную узкую длинную юбку и... узнала! Через месяц! То-то Терпила повеселится, выгоняя ее с работы! Нет, уж лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Пусть узнает сразу – и сразу выгонит.

«Я еще пободаюсь, – вяло подумала Инночка, – подам в суд за незаконное увольнение с работы». Ага, а он на тебя – за нанесение телесных повреждений. Средней степени тяжести.

Сегодня утром мама ходила по квартире как мышка – не видна, не слышна: Инночка начала собираться на работу с половины шестого утра. И снова в самый неподходящий момент: весна на юге! Магнолия!

А у нас утром ледок на лужах, а из цветов – тюльпаны свежемороженые на рынке... Помесь пиона и кувшинки, помесь слона с чайником и мамонта с гранатометом... Так, с прической разобрались, теперь макияж. Она же такая сдержанная всегда, что хоть ее на театр сегодня потянуло?! Долой помаду «поцелуй вампира», лучше что-нибудь бежевенькое. Теперь любимый офисный костюм песочного цвета. Выгонит – напыюсь! – внезапно решила Инночка. Дома, одна, киндера к приятелю, маму к соседке, и до полуночи меня не кантовать.

В конце концов, она действительно классный специалист, она настоящий дизайнер, без пяти минут художник. И вообще, чего это она психует, найдет себе работу в сто раз...

– Госпожа Лучинина, пожалуйста! – прозвенела гламурным голоском до полной неузнаваемости преобразившаяся секретарша Светочка, этакая помесь «Космополитена» с «Плейбоем».

– Ни пуха, Инка! – прогудела в ее спину Полина Георгиевна.

– Мы индейцы, мы прорвемся, – напутствовал ее Женька.

«Вы-то, может, и прорветесь...» – мелькнуло в голове перед самой дверью.

– Здравствуйте, Инна Алексеевна! – Знакомый – уже знакомый – голос отдавался в висках. Терпила поднял голову от бумаг – видимо, досье.

– Здравствуйте, Виталий Валентинович, – отчеканила она.

Больше всего на свете она боялась посмотреть ему в лицо, а пялиться в угол или в пол было бы крайне нелепо, поэтому она просто расфокусировала взгляд, уставившись в некую точку пространства перед столом Терпила.

Последовали вопросы: возраст, стаж, образование, «Page Maker» какой, «Photoshop» знаете? Уверены в необходимости подчиненного? Вам не кажется, что девушка не тянет? А если бы вам предложили половину ее зарплаты вдобавок к вашей, справитесь?

Сквозь флер ликования (не узнал, не узнал!) до Инночки не сразу дошло, что Виталий Валентинович провоцирует ее подставить неумеху Наташку.

– Вообще-то, раньше у меня в отделе было двое подчиненных. И если Наташа не справляется, то это исключительно из-за загруженности.

– Да-а? А есть мнение, что из-за некомпетентности!

Это же надо, какие сволочи, уже и на Наталку настучали! И досье это у него дурацкое, кто-то же его подготовил? Спокойствие, только спокойствие... Сейчас, пока он не топает ногами и не пытается вызвать милицию – следовательно, не узнал, – хамить ему и вообще всяческим образом голос повышать не то, чтобы не рекомендуется, а категорически запрещено...

– Я полагаю, Виталий Валентинович, разумнее было бы оставить все как есть. А если вас терзают сомнения, то дайте моему отделу месяц испытательного срока. Думаю, за это время мы с Наташей сможем убедить вас в нашей компетентности. – Тон у Инночки был не просто ледяной, а прямо-таки арктический, причем говорила она все тише и тише.

Терпила переводил дух, она поняла это через пару секунд:

– Хм, уважаемая, здесь, – зашуршала бумага, видимо пресловутое досье, – ни слова ни про бешеный темперамент, ни про прямое родство с английской королевой!

Она вскинула глаза и посмотрела ему прямо в лицо. Под левым глазом – чисто, в уголке правого – легкое потемнение. Что за черт, да он же явно над ней смеется! Или все-таки узнал?! Так какого же черта молчит? Но он и не молчал:

– Будь по-вашему, работайте вдвоем, заказ действительно большой и тяжелый. Справитесь хорошо и вовремя, поговорим о повышении зарплаты. Или о дополнительном сотруднике под ваше чуткое, Инна Алексеевна, руководство.

Инночка потихоньку перевела дух. Как высказалось бы ее чадо, «с базара она соскочила». Знать бы еще, что этот мистер Голливуд считает действительно трудным и ответственным.

Еще через пару часов выяснилось, что из пятнадцати работников конторы, включая Олежека, которого чуть ли не в лицо называли бездельником, никто не уволен. На радостях решили завершить рабочий день в горячо любимом конторской молодежью кафе под абсолютно неромантическим названием «Погребок». Инночка там ни разу не была, кроме всего прочего, вдруг вспомнила о том, что Терпила тогда видел ее в той же самой дубленке, что была на ней и сегодня. Да, собственно, откуда такая роскошь, как альтернативный зимний наряд у бедного дизайнера, без мужа воспитывающей сына?

И та же белая шапочка. И если ей хоть чуть-чуть не повезет, он ее обязательно узнает. Шапочка благополучно отправилась в сумочку, что, впрочем, стилистику не нарушило – дубленка была непрактичного золотисто-бежевого цвета и с волосами гармонировала идеально.

Дверь начальственного кабинета распахнулась в самый последний момент:

– А меня с собой захватить не хотите? – нарочито грозно поинтересовался Терпила. – У меня тоже, между прочим, был трудный день!

Час от часу не легче!

Интерьер «Погребка» Инночку порадовал. Хотя бы тем, что официанты-близнецы быстро выставили в длину небольшого зала три стола, и она смогла устроиться максимально далеко от этого Виталия Валентиновича. От второй рюмки на еще пустой желудок она быстро захмелела, и противное имечко нового руководства ее сознание как бы с неприязнью выплевывало. Не то чтобы с неприязнью, а как-то... не сразу вспоминалось.

– Мадмуазель танцует? – В поле зрения появилась ухоженная длиннопалая рука, на безымянном пальце вместо обручального кольца – довольно изящная печатка.

Она вздрогнула, взглянула в лицо новому начальнику, и острое ощущение дежавю внезапно охватило ее. Все это уже было: задумчивость плюс легкое опьянение, маячивший на краю сознания вопрос «А что я, собственно говоря, здесь делаю», неожиданное приглашение на неожиданный танец... И абсолютно никому не нужные последствия, которые логического завершения так и не постигли, – сейчас, когда алкоголь почти незаметным теплом растекается по венам, она вдруг четко осознала, что Генкины письма, так раздражавшие ее поначалу, стали почти необходимостью, почти обыденностью, как крепкий чай с лимоном по утрам. Нет уж, хватит, натерпелись, никаких медленных танцев с коллегами. Медом, правда, что ли им всем здесь намазано?

– Нет. Мадам сразу пойдет курить, – брякнула она абсолютно невпопад и вышла из-за стола.

В предбаннике бара возле зеркал было холодно и неудобно. Надо было сразу из конторы идти домой. Или уйти прямо сейчас?

«Слухи о военных действиях сильно преувеличены. Мы еще не слышали ни единого выстрела. В двух километрах от нашего – не знаю, как назвать это строение, но вообще довольно живописненько, где камень, где доски, а через крышу – звезды, так вот, рядом с нами на перекрестке еще один такой же сарай местного дизайна. Там обитают контрактники. И пацаны из нашей команды головорезов, так зовет нас лейтенант, ночью ходили к ним знакомиться. Разжились тушенкой и шнапсом. Пьянствовать я не стал, предпочел бы местное вино, говорят – очень вкусно. Приеду в отпуск – обязательно привезу...»

Глава 8

«Теперь некоторое время писем, наверное, не будет. Зато потом придет целая пачка: у нас тут небольшая турпоездочка организовалась, и есть подозрение, что без обратной связи...»

Какая еще такая турпоездочка?! Та, которая «трупоездочка»? Похоже, они в горах, с каким-то заданием, раз без связи. А раз в горах, значит, его могут убить... А вдруг ему самому придется убивать? И не кромсать в лапшу компьютерных монстров, а стрелять в людей?

Инночка всегда была женщиной впечатлительной, особенно когда сильно уставала. В детстве и немногим позже, пока был жив отец, каждое лето они все вместе выбирались за грибами. Ранним утром в пустом, и оттого звонком трамвае ехали на вокзал, потом пятьдесят минут в электричке, и они «десантировались», как говорил папа (потому что на этом их заветном разъезде поезд стоял всего полторы минуты, а платформы как таковой не было), на залитую черной вязкой жидкостью крупную щебенку и шли. Сначала через убогую деревню, потом вдоль небольшого, загаженного сельскохозяйственной живностью прудика под сень влажного и тенистого «первого леса». Потом было поле, «второй» или «шашлыковый лес», еще одно огромное поле, и только потом «настоящий лес». Этот последний был по-настоящему большим, родители как-то даже (очень давно, еще будучи молодоженами) умудрились там заблудиться и пробродить целую ночь, чтобы к утру выйти к своему собственному костровищу...

Наматывали они за день километров по тридцать и, бывало, привозили ведер по семь белых грибов на троих. Вечером после таких вылазок Инночка была совершенно дохлой, но заснуть не могла почти до утра. Перед глазами из густой спутанной травы сначала вылезали грибы, потом лес становился совершенно сказочным, и неумная фантазия, словно в противовес измученному телу, начинала выдавать полусны-полувидения, расцвеченные эпосом всех времен и народов. Причем все это переплеталось с уже виденными фильмами, ассоциациями от прочитанных книг... В общем, сон разума рождает чудовищ, вернее, полубодрствование рождает сюжеты.

Эта аналогия со стародавними семейными походами мелькнула перед ней за какие-то несколько секунд, но Инночка совершенно четко осознала: спать ей сегодня не придется. Во-первых, потому, что она совершенно непотребно устала на работе, а во-вторых, из-за Генкиного письма.

Недавно по телевизору, который она слушала вполуха за поздним ужином, попутно излагая маме подробности трудового дня и гавкая на Сашку в том смысле, что компьютер должен быть в два раза тише, а алгебра должна быть сделана дома, а не списана у кого попало на перемене, – так вот, там говорили, что срочников, солдат срочной службы, на пылающем в огне гражданской войны юге используют только как вспомогательную рабочую силу. Какая, к черту, «трупоездочка»? А?

Перед мысленным взором ужеплыли кадры из случайно увиденного поздней ночью фильма. Как он назывался? Кажется, «Пешаварский вальс»... Правда, и время имелось в виду другое, и герои были малость постарше.

Впрочем, был еще и другой фильм, который Инночка просто не стала смотреть. С претензией на документальность, видеоряд был до того отвратительным, чудовищным, невообразимо жестоким и натуралистичным, что домочадцев она от голубого экрана просто разогнала. Этак примерно минут через семь после начала.

Нет, так дальше нельзя, надо как-то отключиться, например, составить план жизни на завтра. Потому, что этот безумный марафон с буклетом на тридцать страниц за две недели попил ей всю кровь совершенно. Нет, честное слово, Терпила какой-то маньяк, по четыре раза на дню менять расположение фотографий на странице, оттенки общего фона – это уже чересчур!

– Какой добрый вечер, вы с ума сошли? Вы хоть представляете, сколько времени?! – Назвать мамин визг «повышенным тоном», значит, ничего не сказать. – Она с работы пришла в десятом часу!

Голос матери ввинчивался в самый центр виска. На кого хоть она орет? Судя по «десятому часу», трезвонят не Сашкины друзья по карате, а кто-то из ее знакомых.

– Мамочка, не надо кричать, у меня голова болит! Я сейчас подойду!

Ага, только отклею ноющую спину от дивана, нашарю ногами тапочки и совсем быстро доползу до кухни.

– Что значит «не сможете перезвонить»? Вообще-то, молодой человек, порядочные люди пользуются домашними телефонами до девяти ноль-ноль! А сейчас без пяти одиннадцать!

Не сможете перезвонить?! К черту спину, туда же тапочки! Не сможет перезвонить ей только один человек – тот, звонок от которого она и ждать не смела, как будто он на Марсе! Что там Марс! Инночка вырвала у мамы трубку:

– Генка, как ты, откуда ты звонишь?!

Она уже кричала, сердце колотилось как бешеное: отпуск? Он ранен или убит и звонит кто-то другой? Тогда почему ей, а не его родителям?

– Инка, я тебя...

Отбой.

Так, голос все тот же. А она думала, что успела от него отвыкнуть. Инночка уселась прямо на пол: не убит. И судя по всему, не ранен, говорит как обычно, глухо, негромко, без эмоциональных оттенков. Стоп! Стоп, что за идиотка такая! Она схватила аппарат, набрала «междугород» и затараторила: номер, адрес, имя, паспортные данные. Только что был междугородний звонок, откуда звонили? С сотового? А можете узнать, откуда? Только в «Билайне»? Спасибо...

– Это был твой зэк? – брезгливо поинтересовалась мама.

– Да! Зэк! Мамонт с гранатометом! Чикатило! Пришелец с Марса! Прости, пожалуйста, мамочка, я просто устала, а это был важный звонок... Очень важный...

Инночка заплакала.

«А еще я надыбал себе четки. Из настоящего самшита. Откуда он здесь, непонятно, вроде, я слышал, он растет только в Абхазии. Но пахнет деревяшечка просто потрясающе. Контрактник Артем вырезал их специально для меня в благодарность за „настоящую кельтскую татуировку“, вернее, за эскиз. Помнишь, ты меня подковыривала за бесконечное рисование узоров во время планерок и летучек? Вот же и польза! А видела бы ты, каким ножом он их вырезал! Есть меч Конана-варвара...»

Глава 9

Зубоврачебное кресло?.. Эшафот самоанализа?.. Лобное место моей... чего? Души? Любви? Какая, к черту, любовь, а вот, поди ж ты. Нет, точно надо начинать вести дневник...

Очередь в центральном офисе «Билайна» двигалась какими-то рывками: то клиент вылетал пулей из-за белой двери, то торчал в кабинете чуть ли не полчаса. Инночкино терпение заканчивалось. Параллельно с обеденным перерывом.

Тигра полосатая, девушка в фирменной одежде «Билайна», пробивать номер и роуминг решительно отказалась. Не положено – и точка. После пятиминутного нытья в стиле «ну, пожалуйста, ну мне очень-очень надо» сменила заевшую было пластинку «не положено», на не менее занудную «слишком долго и сложно». И Инночка решилась: просто рассказала правду. Про «горячую точку». Про «турпоездочку». Про сумасшедший в своей невероятности вчерашний звонок. Про то, что – кровь из носу – нужно знать, откуда он звонил.

И Тигра вдруг изменилась как-то неуволимо и, испуганно оглядываясь, шепнула:

– А вы к семи зайти не можете? Я по-тихому поковыряюсь, и если народу не много будет, попробую пробить, в каком регионе сим-карта приобретена и какой роуминг... Подождите... А может, уже все в порядке, если вообще позвонил? Насколько я знаю, в горах вообще вышек нет...

– Дата! – воскликнула Инночка. – Надо дату на конверте посмотреть! Так... – Она лихо-радоно рылась в сумке. – Ведь письма обычной почтой долго идут, а звонил он вчера.

Нет, ну что она. как терьер крысу, треплет свой несчастный ридикуль? Сроду в жизни никогда не таскала с собой Генкины письма, помнила о своей отвратительной привычке бросать открытую сумку где попало, причем не только дома, но и на работе.

– Нету с собой! Вот зараза! Но все равно спасибо!

– За что? – удивилась Тигра.

– За пинок мысли!

– Так вы к семи зайдете?

– Конечно! Еще бы!

До семи еще уйма времени: скорей бы за монитор и работать, а то от мыслей голова лопнет. Правда, до дома времени еще больше, а посмотреть на злополучный конверт можно только дома. А между конторой и домом забежать к этой Тигре – вдруг определит?

А работу, «важную, ответственную и тяжелую», они с Наташкой, в случае чего, не сегодня-завтра закончат. И Терпила доволен вроде бы, и Наташка сразу прониклась Инночкиной лекцией на тему «работай как проклятая, а то вмиг вышибут обеих». Правда, это сильно сокращенный общий смысл. В оригинале звучало примерно так: Наталка, самое время засучить рукава, Виталий Валентинович возлагает на нас с тобой... Такая талантливая и умная девочка, как ты, не может не понимать важность этого заказа... И так далее, и тому подобное.

А потом Наталкина непрошибаемая тупость – или лень? – вдруг куда-то делась, девчонка начала схватывать на лету. И чего, собственно говоря, Инночка ее душой-то считала? А того считала, что просто с Генкой ей было комфортно работать, он редко впадал в молчаливый ступор. Просто девку надо было теревить, надо было объяснять, а то «проще самой все, проще самой».

Наташкины пальцы бодро стучали по клавиатуре.

– Инна Алексеевна, насколько я понимаю, это уже финальные аккорды вашей дизайнерской сюиты для четырех рук и двух компьютеров? – раздался за спиной голос Терпилы.

Что за раздражающая привычка подкрадываться! Со спины. Ей вдруг стало ужасно весело: как будто можно подкрадываться прямо в лицо! Инночка еле удержалась от смеха.

– И не будем скрывать, – продолжил он своим уже сто раз обсужденным в курилке «гламурным» и «бархатным» голосом, – я очень доволен. И качеством работы, и наличием креатива в ваших, дамы, очаровательных головках, и скоростью.

Чего это он сегодня весь довольный такой? И кокетливый. Довольно-кокетливый. И непонятно почему Инночка решила подыграть:

– Что ж вы так официально тогда, Виталий Валентинович? Рабовладельцу и капитану галеры не стоит корчить из себя порядочного работодателя! Скорость его, видите ли, устраивает... Смотри, Наталка, добрый какой!

Наталка молча таращила глаза на исключительно тактичную и всегда вежливую начальницу, а Инночку уже несла волна какой-то студенческой дурашливости:

– Зовите уж просто Инкой. И Наткой. Да, Наташ, не возражаешь? Или просто: «Эй, ты, поди сюда, туда и обратно!» Ах, простите, барин, крестьянскую девку Анфиску, месяц-то испытательный еще и не кончился. Может, еще буклет какой, а? Страниц на шестьдесят? Очень, господин мой, для фигуры полезно – на одном завтраке до девяти вечера трудиться...

– Это серьезно?

– Что? Что пахали, как лошади бенгальские?

– Нет, что мне можно называть вас просто по имени?

– Можно. Можно даже на «ты». Маленькая собачка до веку щенков.

– Тогда еще раз – это серьезно?

– Народная мудрость-то?

– Нет, о полезности галер для фигуры вообще и для общего тонуса в частности?

– Скажем прямо, моей фигуре в состоянии повредить только асфальтовый каток. А вот Наталка вам, Виталий Валентинович, за пару-тройку сожженных килограммов безусловно благодарна...

Наташа и Терпила заговорили одновременно:

– Инночка, я правда похудела? Ты уверена? Нет, правда? Я согласна на второй бешеный буклет!

– Категорически протестую против Виталия Валентиновича!

– Да? – подняв брови, удивилась Инночка. – И как же вас звать-величать прикажете, экселенц? Так, как вся контора, согласно присвоенной кличке?

– Оп-па! У меня за две с половиной недели уже и кличка появилась?

Инночка вдруг сразу поняла, что вступила на скользкую поверхность: Валентиныч не дурак, и кличку свою уже наверняка знает. Ведь есть же у него в конторе стукач, ведь досье-то на всех-всех-всех у него в первый день фигурировали, значит, кто-то их написал?! А получил он «Терпилу» себе на бейджик благодаря одной ситуации. А кто у нас там в главной роли фигурировал, Брюс Ли ты недоделанное?

Правильно, меняем тон:

– Видите ли, если честно, терпеть не могу имя Виталий, ведь если я вас правильно поняла, цель протестов, лозунгов и демонстраций – это обоюдный переход на «ты», эфенди?

– Зови Виктором. Или Витом. Для краткости.

– Вит... Еще скажите Витас... – И тут Инночка опять, как тогда, в «Грации», сначала сделала – вернее, в данном случае не сделала, а брякнула, – а потом подумала:

– Нет уж, монсеньор! Исключительно согласно старинной русской традиции – через брудершафт. А пока вы будете бегать за шампанским для нас с Наталкой, я подумаю, как трансформировать ваше имечко во что-нибудь приемлемое.

– А что, кличка совсем неприличная?

– Не-ет, норма... – начала было Наташа, и Инночка тут же замяла опасную тему:

– Ужасная! Совершенно вам не подходит!

– В таком случае бутылкой шампанского, ты, Инка, не отделаешься, – сказал Терпила. – С меня кабак. Решай: сегодня или завтра?

– А Наталка? – растерялась Инночка.

– А Наталья заработала только коробку конфет, бутылку шампанского и десятипроцентную прибавку к жалованию. А ты – двадцатипроцентную. И кабак. Ради брудершафта. Исключительно. Так сегодня или завтра?

– Все-таки завтра, пожалуй...

– А почему? – он нахмурился, явно недовольный, вздохнул, почесал нос. Тускло сверкнула печатка.

– Потому, что сегодня мне надо домой. А до этого – в «Билайн».

Шутовское настроение исчезло.

Она воткнулась в монитор, давая понять, что разговор окончен. Он так же бесшумно, как пришел, удалился из кабинета.

Хорошо бы хоть раз передохнуть, чтобы быть молодой, худой и почти красивой. Хоть бы письмо пришло, что ли...

Было совсем поздно, и писать дневник не хотелось. И получалось совсем глупо:

«Нет, вот сдался тебе, дура старая, этот мальчишка, а? Чего ты сердце рвешь? Ухаживает (ну явно ухаживает) за тобой мужчина твоей мечты – и выкинь ты из головы то, чему не суждено сбыться. Что хоть завтра в этот кабак дурацкий напаять?.. Владикавказ, Владикавказ... По-моему, хоть и называется вполне погано, это уже точно безопасно. Храни тебя Господь, татуировщик ты мой кельтский!»

Глава 10

Тигру звали Олесе́й, и со вчерашнего вечера (Владикавказ, Владикавказ, на девяносто процентов!) Инночка готова была если уж не танцевать от счастья, то напевать – и тихо, про себя, периодически напевала. С Олесе́й они сегодня встречались в обеденный перерыв, в том же самом «Погребке». Вечером толком им поговорить не удалось – по офису толкались какие-то лощеные типы в придурочно-ярких галстуках, и Тигра с совершенно каменной мордашкой – какое дикое словосочетание пришло в голову, но ведь именно мордашка, жутко симпатичная, к слову, и именно каменная от наличия типов с их галстуками, – так вот, вчера вечером Тигра успела шепнуть:

– Звонок был сделан из Владикавказа, вероятность девяносто процентов...

– У тебя перерыв во сколько? С двух до трех? Встречаемся завтра в «Погребке», знаешь? – тихо сказала Инночка, глядя в сторону. – Угощаю...

...И вот теперь они с Олеськой сидели на темных лавках «под дуб» за однопородным широким столом и шептались как заговорщицы, сблизив почти одинаково русо-рыжие головы:

– Меня бы не просто уволили, – нервно, торопливо и почти беззвучно шептала Тигра-Олеська. – Меня бы расстреляли! А потом съели. А потом долго бы над косточками глумились... Это хорошо еще, что я компьютерно грамотная и, кажется, грамотно замела все следы. Вообще-то аналогичные процедуры возможны лишь согласно постановлению суда... Ну, рассказывай, кто он тебе? Муж?

А действительно, кто он ей? Сопляк и извращенец, который по недоразумению затащил ее к себе в постель. И уехал на войну. И мотает ей нервы. По километру в день. То своими шальными письмами, то черной и тягучей, как смола, неизвестностью.

– Наверное, правильно сказать – любимый... – отважилась наконец сказать Инночка.

– Офицер? И хорошо он зарабатывает в своих трупоездках? – Олеське явно понравилось словечко.

– Да нет, солдат.

– Контрактник? Слушай, они же все чокнутые на своей войне, просто повернутые. Ты такая, вся гламурная, на фиг он тебе нужен?!

Инночка поняла, что Тигра-Олеська – настоящая тигра в душе, и что она просто так не отстанет. А еще Олеська совершила ради абсолютно незнакомой Инночки должностное преступление, карающееся расстрелом с последующим глумлением. А еще она устала без конца ковыряться в себе и своих чувствах, устала от припадков то острой тоски, то не менее острого раздражения, то уж совсем острой щенячьей радости...

Синдром поезда? Почему бы и нет, не с мамой же всей этой историей делиться, пусть уж эзков костерит... Незаслуженно.

– Тебе сколько лет, Олеська?

– Двадцать два! Скоро будет...

– Тогда ты меня вряд ли поймешь.

– Почему?

– Потому, что мне тридцать три, – тут Олеськины глаза и рот моментально округлились, – у меня четырнадцатилетний сын, мама-пенсионерка и еще куча проблем. Он, видите ли, меня любит! Придурок малолетний.

– Почему малолетний?

– Потому, что я на десять лет старше. Потому, что мы проработали почти два года за соседними столами, а я ни черта о нем не знаю, кроме того, что он классный, просто потрясающе талантливый компьютерщик. И он меня любит. И еще у него невообразимое чувство

композиции. И еще просто невероятно потрясаяще целуется. И я не могу – вот уже четыре месяца – выкинуть все это из головы. А он мне пишет. По письму в день. Иногда по два. И я устала смеяться и плакать над этими чертовыми письмами!

Инночка задумчиво стряхнула пепел. Что-то курить она стала, как портовый грузчик. Или пьяный лесоруб. Скоро мама начнет задавать ненужные вопросы. Поднять глаза на Олеську было не то чтобы стыдно, а так, как будто ее стошнило на виду у всех, например в трамвае.

– И-инка, как я тебе завидую! Вот бы мне такую любовь! С письмами. И чтобы ждать, и чтобы опасно! Где хоть ты его выкопала такого?

– Не знаю. Наверное, это он меня выкопал... Точно, я – ископаемое.

На этой минорной ноте новоиспеченные подружки и расстались, обменявшись телефонами.

Инночка отправилась домой: во-первых, переодеться перед ужином с Терпилой. Надо и вправду определиться, как его называть, дернул же черт за язык с этим дурацким брудершафтом. Во-вторых... Во-вторых, ей надо было, как бы это сказать, подзарядиться что ли? Плевать, что новых писем нет, старые ее вполне устраивают. Ведь с ним все в порядке, она знает точно. А письмо... Любое письмо с любого места.

«С тобой удивительно хорошо работать. Это потому, что приятно просто находиться рядом. Больше всего я люблю авралы. Нетрудно догадаться, почему: к позднему вечеру ты устаешь, начинаешь ходить по кабинету, смотреть в монитор из-за моей спины. Близко-близко. Я чувствую твои духи, а иногда и тепло. И тогда я впадаю в ступор. А ты думаешь, что я устал и выгоняешь меня из-за компа на перекур. Обидно!..»

Глава 11

Как же его все-таки называть? Вполне, между прочим, нормальный мужик, приказ о повышении жалования Светка ей с утра подсунула – на ознакомление и подписание. Двадцать процентов, как и обещал. Может, у мамы спросить, все-таки русский язык и литература... Да нет, глупости, конечно.

– Вот, Инна Алексеевна, приказ о вашей зарплате. И чем это вы так нашего нового шефа зацепили? – Нотки в Светкином голосе звучали обиженные.

Очень хотелось сказать что-нибудь вроде: «Да тем, что работаю, как лошадь, а не юбки каждую неделю на пять сантиметров подрезаю!» Но реплика настолько отдавала совершенно конкретной Полиной Георгиевной, что Инночка с трудом сдержала смех:

– Ничего, Светочка, лиха беда начало, какие твои годы! Зато выглядишь замечательно.

Это была чистая правда, Светке было девятнадцать, и вся она была свежая, юная и блестящая. Правда, привычка носить на работу вечерние туалеты утомляла, но сегодня Инночке страсть как хотелось оказаться в Светкином гардеробе, ведь предстоял вечер...

Договорились, что он за ней заедет. Не к подъезду, а к небольшой булочной, с незапамятных времен ютившейся на углу в их доме. Инночка тоскливо инспектировала содержимое шкафа: всю ее сознательную жизнь мама наставляла: покупай дорогие, неброские вещи, коричневые, бежевые, умбра, «топленое молоко», охра, в крайнем случае терракот. Эти цвета отлично сочетаются между собой, хорошо подходят к твоей светлой коже и русо-рыжим волосам. Не носи белое – непрактично, не носи черное – с твоим ростом и комплекцией ты будешь похожа на муравья. Никакого красного, это цвет шлюх и пожарных машин. «И помидоров! – кричала Инночка и лезла к матери ласкаться. – Ты ужасно старомодная педагогиня!» Но материнскому завету всегда следовала, не позволяя себе даже любимое зеленое.

Податься, что ли, к Томке. У нее все шмотки «неправильных» цветов. Глупо как-то. И неудобно... Но выпендриться хотелось. Даже не ради Валентиныча, а ради себя. Нашел же в ней что-то классный (и сопливый... ладно, юный) компьютерщик Генка? Может, не такое уж она и ископаемое?

– Сашка, Шурятина, ты дома?! – заорала на всю квартиру Инночка.

Невнятное «ага» донеслось из комнаты сына.

– Слушай, ребенок...

Сашка был выше своей матери на вполне приличные восемь сантиметров, вполне законно этим гордился и на «ребенка», опять же вполне привычно, поморщился.

– Дай штаны кожаные на прокат, а? Всего на один вечер. Честное слово!

– Ма, они тебе велики будут, они растянулись чуть-чуть. – Голос Сашки ломался давно, но периодически еще соскальзывал в дискант.

– А ты мне поможешь шнуровку на боках подтянуть...

– Ладно. Два вопроса: что ты сверху оденешь...

– Наденешь! – вмешалась в разговор бабушка с порога. – Одеть можно куклу или ребенка.

– Или пугало! – заржал Сашка басом и без паузы продолжил: – И куда ты вообще в таком экстриме собираешься?

– Собираюсь я на деловую встречу, а «одену», как вы изволили выразиться, бабушкин похоронный прикид.

«Похоронным прикидом» в семье величали глухой черный свитер с высоким горлом.

– Что это, интересно, за деловая встреча такая, куда молодая и красивая женщина собирается в кожаных штанах сына и бабушкином похоронном прикиде, а? – вконец обнаглел ребенок.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – рассмеялась Инночка. – Молодость и красота часто мешают женщинам во время деловых встреч.

Так, сапоги на каблучицах (каблучицы мы любим, это потому, что ростом не вышли, метр шестьдесят пять – это вообще несерьезно), короткая черная же кожаная куртка.

– Нуся, ты вырядилась, как гангстер из дешевого боевика. Или как гробовщик. Может, украшение какое-нибудь, брошечку, цепочку?

– Перебьются, – неопределенно возразила Инночка и выдернула из волос шпильки.

Не слишком длинная, но тяжеленная грива хлынула по узким прямым плечам. Вот такая она сегодня загадочная, пусть как хочет, так и понимает.

Она не помнила, какая у него машина, она, собственно, вообще в автомобилях не разбиралась. Что-то низкое, с плывущими, текучими какими-то контурами замигало фарами, потом посигналило. Инночка растерялась, боясь попасть в дурацкую ситуацию: а вдруг это вовсе не Терпилина машина, и ее, Инночку, просто банально «снимает» какой-то идиот? Наконец дверца открылась:

– Ну, что же ты, садись! Если бы я не был в курсе, что ты, как дисциплинированный сотрудник, появишься на этом перекрестке в двадцать ноль-ноль, я бы тоже тебя не узнал. В этом имидже ты – как факел.

– А вы, видимо, Прометей. И сейчас понесете меня людям из общепита. В рамках общечеловеческого прогресса. – Она почему-то сразу переходила, вот уже во второй раз, в разговорах с ним в этот тон постоянной пикировки.

В машине было тепло. И уютно, несмотря на очень низкую посадку. Шеф откровенно рассматривал ее. Инночка решила держать паузу – хотя бы ради разнообразия. Последнее время она часто ловила себя на том, что сначала говорит, а потом думает.

– Нет, меня точно посадят. Без права переписки. Или вообще – в зиндан... – пробормотал Терпила, включая двигатель.

– Это еще почему?

– Не «почему», а «за что». За развращение малолетних подчиненных.

– А ты меня развращаешь? – изумилась она от таких откровенных авансов.

– Ха, с нашей первой встречи!

Уж что-что, а первую встречу она надолго запомнила. Несмотря на настоящую симпатию, появившуюся между ними – неизвестно когда именно, – признаваться в мелком хулиганстве с нанесением телесных повреждений неизвестной науке степени тяжести Инночка не собиралась. Поэтому и молчала героически до самого кабака.

Выбор места встречи ее разочаровал: ресторан был помпезный, с лепниной, где только возможно, с многоярусными желто-зелено-голубыми шторами и скатертями.

– Фу, пошлятина какая, оказывается, – оглядевшись, констатировал он к ее великому облегчению. Вкус у него точно есть, и не только в формате рекламных буклетов.

Еда оказалась под стать интерьеру: разукрашенная не пойми чем до полной неузнаваемости продуктов, абсолютно невкусная и жутко дорогая. Пресловутый брудершафт прошел в официальной обстановке: они, как полные кретины, встали с бокалами и троекратно облобызались, словно два солидных купчины, только что заключивших сделку. Причем свято уверенные в том, что каждый остался в барыше. На них оглядывались.

– Имя-то придумала?

– Давай на людях буду звать тебя просто «шеф». А в конфиденциальной обстановке – Витка.

...В тот вечер они почти не пили, вяло ковырялись вилками в кулинарных изысках и трепались. Трепались оголтело, с удовольствием, то и дело сбиваясь на анекдоты, причем именно такие, какие Инночка любила, – смешные, непошлые и с неожиданным финалом: «Инвентарь

ризация в зоопарке идет третий месяц: змеи – два мотка по сорок метров, карликовые пони – два ведра». «Метро на скаку остановит. Горящую избу пропьет!»

Как-то мимоходом выяснилось, что Витка в армии не служил по причине сильной близорукости, которую ему недавно скорректировали лазером почти до абсолютной единицы, а очки он таскает исключительно по привычке, а иначе кажется, что «лицо у него голое». Дизайнер он профессиональный, а вот в компьютерах – чайник-чайником. Следовала уморительная история двухлетней давности о его попытке скопировать что-то с винчестера на RW, которая, как ни невероятно это звучит, закончилась полной и безоговорочной смертью всей системы, во что не верили самые опытные хакеры, и все уговаривали Витку повторить порядок действий, приведших к абсолютно невозможному результату. Он не хвастался, не рисовался, не производил впечатление павлина, и в то же время не лез в душу. С ним было весело и легко. А еще из вскользь брошенных фраз выходило, что он об Инночке много чего знал: знал, что у ее мамы редкое имя Капитолина и совершенно банальное отчество Ивановна, знал про оболтуса Сашку и, наверное, даже вычислил, чьи на ней кожаные штаны с панковской шнуровкой по бокам от пояса и до самых сапожек. Как ни странно, это совсем не раздражало ее, даже в определенной степени льстило.

Перед самым ее домом он предложил вместе провести воскресный вечер: театр, кино, прогулка, что-нибудь экстраординарное? Как угодно, только не сегодняшний кошмарный «Парадиз». Решено было определиться ближе к делу. Увидимся на работе? Да, до завтра! И никаких попыток поцеловать ее на прощанье, что, честно говоря, добавило еще пару баллов к рейтингу Витки в Инночкиных глазах. Привычная вечерняя процедура (эй, гарсон, что-нибудь из эпистолярного) сегодня казалось какой-то постыдной и ненужной. Почему ей стало неуютно, она так и не решила...

Глава 12

Пожалуй, это субботнее утро было первым, за последние несколько месяцев таким... беззаботным, что ли? Солнечный зайчик... Так вот отчего утро-то коллекционное: от того, что солнышко выглянуло наконец-то, – казалось, лениво бродит по ее лицу, путается в ресницах.

Суббота. Буклет с плеч долой. Начальник оказался нормальным мужиком, добавил зарплату и, вообще, кажется, ухаживает за ней. У ребенка совсем скоро весенние каникулы и – на свободу с чистой совестью. Четверть он закончит без троек, все предпосылки этому отрадному факту наличествуют в дневнике.

А письма... Писем быть еще и не должно, еще рано, но с ним все в порядке, она знает точно. Так что вообще все в порядке, и можно бедной женщине раз в жизни в субботнее утро поваляться в постели, хотя бы часов до девяти?

В комнату просочился Сашка. И опять без стука. Ну, вот как втолковать ему, что он без пяти минут взрослый мужчина и что заходить в спальню к даме – хорошо, пусть к маме – совершенно неприлично?

– Мам, а мам... Ну, мам! С тебя мороженое!

– Интересное дело, с какого это перепугу, – не открывая глаз, замурлыкала полугрозно-полунежно Инночка. – Наглые подростки, не дающие матери поспать в субботнее утро, твердо уверены, что подобные негуманные поступки влекут за собой раздачу слонов, пардон, мороженого? Или в тебя подушкой кинуть, Шурятина ты противная?

– Але, Инна Алексеевна, – моментально съехал в официальный тон отпрыск. – Вы не поняли! Это не просьба, это шантаж. Или отправить эту штуку обратно в ящик? Там ее обязательно найдет бабушка. Я заметил, она давно охотится...

– Ящик? – Инночка распахнула глаза и рывком уселась на постели.

Сашка держал в руках письмо.

– А где бабушка? – невпопад спросила она.

Выяснилось, что Капитолина Ивановна отправилась на рынок за творогом, а он, Сашка, не только умный, но и интуиция у него – будь здоров: опередил бабушку на подступах к почтовому ящику и практически уверен, что противник маневра не заметил.

Инночка вытянула руку ладонью вверх: мол, письмо отдай. Сашка ловко передразнил жест: а деньги?

– В сумке, – смирилась было Инночка, и тут же сообразила, что для того, чтобы выкрасть конверт под носом у бабушки, – надо знать! Много чего надо знать...

– Александр, стоять. Иди сюда. Садись, рассказывай. О своей мотивации.

Рассказывать Сашке ничего не хотелось: пришлось бы признаваться, что материн тайник в письменном столе – может, и тайник, но исключительно для бабушки, а отнюдь не для него. Впрочем, особенной свиньей он себя не считал. Ведь не читал он, в конце концов, чужие письма, просто посмотрел на обратный адрес и сложил два и два. Тем более что с Генкой он был знаком, общался, когда приходил к матери на работу, – игрушки, коды к ним, геймерские сайты в Интернете. Сашке было лестно – Генка по-любому подходил под определение взрослого, но к нему, к Сашке, относился как к равному. Подумаешь, пачка писем от Генки из армии! Что тут умного-то? Мама – «женщина молодая и красивая», у нее что, поклонника быть не может, что ли?

Господи, а ребенок-то ее, оказывается, вырос!

– Последний вопрос, мистер Холмс. Из чего ты сделал вывод, что для бабушки вся эта переписка должна оставаться тайной?

– Мам, бабушка хочет, чтобы ты с отцом обратно жила...

– А ты?

– Нет. Потому, что он – предатель. Ты лучше за Генку замуж выходи, он прикольный. А еще... – Сашка покраснел и стал усиленно смотреть в окно. – Бабушка письма, если они ей попадут в руки, обязательно прочитает...

– Сын, как ты можешь говорить о бабушке гадости?!

– Это правда, мам. Помнишь, мне осенью от Таньки... ну, Таньки из спортлагеря, письмо пришло? Я его стал читать, а оно, оказывается, третье. А где первые два? Ты не возьмешь, я знаю точно. Остается бабушка. Я ее прямо спросил: «Ба, где письма?» И она мне, такая вся строгая, отвечает: «Эта девочка – неподходящее знакомство! И язык у нее вульгарный, и семья неполная...» То есть бабушка письма не только не отдала, но еще и прочитала...

– Так, одаренный особой интуицией ребенок! Заключаем с тобой наступательно-оборонительный союз против педагогических кадров старой закалки: ты меня подстрахуешь, как сегодня?

– Да без базара, мам!

– Вот и славно, а теперь марш на кухню, ставить чайник.

Проводив чадо глазами, Инночка вскрыла толстенный конверт. На колени посыпались рисунки, сделанные шариковой ручкой на разномастных обрывках бумаги. Он всегда был хорошим рисовальщиком и карикатуристом. Инночка принялась было рассматривать, а потом сообразила, что вся эта галерея – иллюстрации к письму, и принялась читать:

«Здравствуй, Инка! Сидим в горах и совершенно очертенели от безделья. Ничего не происходит, в „подкидного“ я – не мастер, а в префранс здесь никто не умеет, даже дядя Леша, наш лейтенант. В связи с отсутствием событий и явным опозданием этого письма к тебе решил представить соллагерников – смотри картинку с костром».

Письмо было довольно остроумной пародией на сочинение восьмиклассника по извечной теме «Как я провел лето». Особенно выразительным оказался эпизод купания голышом в горной речке. Солдаты, видимо, действительно одурели от безделья, раз полезли в ледяную мутную воду, с бешеной скоростью несущуюся по камням...

Шарж, с которого Инночке улыбалось малость лопухое, длиннорукое и длинноногое пугало, был подписан на обратной стороне:

«И вот я здесь, я в бархатных штанах. Инка, не поверишь, – точность фотографическая. И вот это вот страшилище народ уважительно называет „Старый“. Это у меня здесь кличка такая. Я действительно самый старший, не считая дяди Леши...»

Дверь противно скрипнула... Что за беспардонная манера вламываться к ней в комнату?! Прятать письмо, конверт и рисунки, разумеется, не было никакого смысла – мама все уже увидела. Молчи, стоит тебе открыть рот, и солнечное – за столько-то дней! – утро обернется кошмаром. Только молчи!

– Нуся, – елеинным голосом возвестила мама. – Я забыла тебе сказать: вчера звонил Славик, и завтра вечером он придет в гости!

Тьфу ты, ну ты, какие мы приличные, аж за двое суток о своем визите предупреждаем. Причем – не ее, а маму...

– У меня на завтрашний вечер уже есть планы, мамочка... – Инночка испытывала облегчение от отсутствия у матери интереса к бумагам у нее в руках, и визит Славика как реальную угрозу не воспринимала. В конце концов, она – взрослый человек и в состоянии самостоятельно решить, с кем и когда ей встречаться.

– Но, Нуся, я уже сказала ему, что ты будешь очень рада его видеть!

Инночка обреченно вздохнула.

– И во сколько на нашу семью обрушится это счастье?

Выяснилось, что около шести, а с Виткой они договорились на восемь. В принципе ничего страшного: два часа бывшего мужа можно и потерпеть. И потом, она всегда считала, что нельзя запрещать отцу видеться с сыном.

Дочитывать пришлось, по традиции, в ванной. Сашкин рассказ огорошивал – неужели мать способна перехватить и ее письма? И что теперь с этой чертовой кучей бумаги делать? Приобрести небольшой несгораемый сейф? Оттащить письма на работу или к соседке? К Тамарке? Та при всей своей общей беспардонности и безалаберности ни за какие коврижки не нарушит конфиденциальность. Разговор – это одно, вплоть до пыток, а вот письма – это святое. Хотя от одних разговоров свихнуться можно...

Инночка ощущала отчетливый приступ паранойи. В конце концов, в Генкиных письмах нет абсолютно ничего неприличного. Да, но это еще не повод публиковать их в городской вечерке...

Глава 13

Витка позвонил вечером. Номер домашнего телефона она ему не давала, и если бы речь шла о другом человеке, звонок ее несомненно разозлил бы... А, собственно, что тут загадочного – просто взял в бухгалтерии у Полины Георгиевны, она же отдел кадров по совместительству. Ничего умного, как сказал бы сын.

Витка спросил о самочувствии и настроении. Спросил, не поменялись ли планы на завтра. Получив подтверждение, заверил в преданности и пожелал доброй ночи.

Инночка валялась на застеленной кровати с каким-то романом. Читиво, еще вчера признанное интересным, в голову почему-то не лезло. С мамой, конечно, придется поговорить: жить под дамокловым мечом ее любопытства просто невыносимо. Тут Инночка неожиданно вспомнила, что давным-давно, еще когда они обсуждали с мамой ее скандал с Терпилой, Капитолина Ивановна, предположив, что Инночка связалась с зэком, что-то говорила про ящик стола. Значит, знает? Или знает сам факт, а письма не читала?

– Мам! – Снова, как и утром, Сашкина физиономия просунулась в комнату без разрешения. – Я с тобой поговорить хочу на целых две темы. Во-первых, этот козел, родитель мой, правда, что ли, припрется?

– Шур, если этот человек повел себя по отношению ко мне не совсем корректно, это никак не меняет того факта, что он тебе родной отец. И что он желает принимать участие в твоём воспитании...

– Либи́до пусть свое воспитывает! – Сашка почему-то поставил ударение на последний слог.

– Шур, мне неприятно это слушать. Давай так: на тему ваших острых углов – я тебе обещаю, голубая мечта бабушки по поводу нашей дальнейшей с твоим отцом совместной жизни так и останется мечтой. Голубой. А не хамить я тебя просто прошу. В конце концов, он не так уж часто балует нас своим вниманием. Договорились?

– Ладно, – буркнул ребенок. – А во-вторых, расскажи, о чем тебе пишет твой Генка? Ведь там война ведь, да? Ужасно интересно!

Еще пару дней назад сын, вероятнее всего, услышал бы от нее про «наглых подростков, место которым в песочнице», или что-нибудь еще не менее ехидное и абсолютно не информативное, но после утренней чехарды с письмом (а ребенок-то вырос, оказывается) она, заметно поскуцнев, ответила:

– Санчо, я даже и не знаю, что тебе толком ответить... Он не пишет про войну, про отрезанные головы врагов, не излагает боевые и технические характеристики снайперской винтовки Дергунова. Про горы пишет – как это красиво. Про то, как они там живут, – в основном смешное, помесь десанта пациентов дурдома и трех веселых смен в пионерлагере. Такое ощущение, что война для него – серия приколов, приключение. С другой стороны, ужасов я и по телевизору посмотрю, в любое время дня и ночи. Может, если бы он ныл и жаловался, я бы эти его письма и вовсе не читала. А так – Жюль Верн в одном флаконе... не знаю, вот с Анатолием Тоссом, например.

– Жюль Верна знаю, а что за Анатолий такой?

– Хм, книги господина Тосса тебе читать, пожалуй, рано...

– Интересное дело, «Эммануэль», значит, не рано...

Инночка вдруг развеселилась:

– Слушай, сын, я знаю верное средство от бабушкиного любопытства, да, собственно, вообще от бабушки: хочешь оставить меня сиротой – выскажи бабушке свои высокоинтеллектуальные мысли о данном произведении и книжечку подсунь! Кстати, где ты эту макулатуру раздобыл?

– Да не раздобыл я... В спортлагере все читали, и я прочитал.

– Шурятина, а если бы все курили или водку, например, пили, ты бы тоже, как все, да?

– Мам, если честно, то я курю. Бабушка давно подозревает, а ты не чувствуешь, потому что сама курить стала.

Инночка задумалась: дать ребенку сейчас взбучку – это надолго, если не навсегда разрушить доверительные, дружеские отношения, которые между ними установились. А возраст у Сашки самый что ни на есть опасный. Промолчать тоже нельзя – что за черт, да ему четырнадцать лет всего!

– Саш, давай с тобой договоримся... Ты вот сколько сигарет в день куришь?

– Две. Одну перед школой, одну после.

– И я где-то штуки четыре. Предлагаю с завтрашнего дня курить по одной. По-честному. Сигареты бери у меня в столе – они, по крайней мере, дорогие и качественные. Проверять я тебя не буду, просто дадим друг другу слово. Так курим две недели. Если получается – начинаем курить через день. И дальше по той же схеме. Шурятина, мне будет намного труднее, чем тебе, у меня стаж, но мы справимся, правда? Вот лично я тебе обещаю. А ты?

– Мам, мам... – Сашка вдруг шмыгнул носом. – Ты такая хорошая! Я думал – ты меня убьешь. Я и признался только потому, что ты ко мне как к взрослому...

– Ладно, не реви, рева-корова. Ты мне не сказал: договорились?

– Да. Обещаю. Клянусь. А если почему-то не получится, обязательно признаюсь!

Сашка вышел из Инночкиной комнаты притихший. Правильно ли она поступила? Сама она начала курить на первом курсе института – так было удобнее общаться с однокурсниками, быть не «молью бледной», а «своей в доску». Поначалу вроде бы и пошло, но через полгода Инночка влюбилась в Славику, подруги перестали ей быть остро нужны, и она отказалась от поиска этих самых подруг «сигаретным» методом. В общем, из затеи ничего не вышло, а привычка осталась. Потом она бросила курить, когда носила и кормила Сашку. А пять лет назад столкнулась с супружеской изменой и закурила снова. Что ж, если сын проникся, у нее аж две архиважные причины бросить курить – и свое здоровье, и детенышево. Второе, конечно, важнее.

И вообще, раз у нас сегодня день откровений, стоит и с мамой пообщаться. Чем дольше она тянет, тем все взрывоопаснее.

Кое-какие детали пришлось опустить: например, сам факт бурной ночи (или половину ночи?) у Генки на квартире, это маму бы шокировало. Инночка «честно» рассказала, что чувства ее угловатого, замкнутого подчиненного были для нее загадкой до первого письма. Что сама она ему не пишет и не собирается. Почему? Очень просто: написать, чтобы выкинул из головы, что он ей не нужен, – бог знает, как он это воспримет, вдруг в какие-нибудь смертники сам напросится. А писать «пупсик, я тебя тоже люблю» – это давать ложную надежду. Вот примерно таким образом.

– Тоже мне, Сирано де Бержерак. А я его, Нуся, пожалуй, помню, он приходил пару раз, когда Сашка с компьютером нахимичил, что-то чинил, чай пил. Ты его и вправду не любишь? Что ты молчишь? Кто истерику по поводу ночных звонков устроил? Кто с этими письмами носит, как дурак с писаной торбой? Ты знаешь, что бывает с женщинами балзаковского возраста, когда их бросают молодые любовники?!

Инночка не сдержалась:

– Мам, а ты-то откуда знаешь?

Капитолина Ивановна вдруг покраснела и отвела глаза.

– Понятненько... Ладно, мамочка, я ведь ничего еще не решила, ничего, собственно, и не происходит. Ну, пишет мне мой знакомый – ну и что? Так что давай тему закроем.

Уф, а она так боялась, что на слове «знакомый» голос предательски дрогнет, но нет, пронесло.

«Затеяли разговор о девичьей верности и перессорились все. Полный взвод донжуанов, у всех же многолетний опыт, смешно, ей-богу! Я долго молчал, и меня обвинили в нетрадиционной ориентации. Ну, отнес я этого обвинителя к речке и в воду пару раз макнул – чтоб остыл, стало быть. А к чему я это все пишу... К тому, что меня вся эта чушь про ревность совершенно не беспокоит. К тому же ты мне ничего и не обещала, и я это знаю. Впрочем, какая разница, я вернусь и сумею тебя убедить... Я тебя очень люблю. Честное слово».

Глава 14

Славика стали ждать прямо с утра: Инночк а, верная вычитанному давным-давно (кажется у Довлатова) правилу «раньше сядем, раньше выйдем»; Сашка – раздраженно, но с тайной надеждой, что родитель не явится; а Капитолина Ивановна как-то двусмысленно, видимо, в свете вчерашней беседы открывшая для себя удивительный факт: оказывается, ее дочь может иметь собственное мнение, и с этим, как ни крути, придется считаться.

Бывший муж явился почти на час раньше: огромный, лысый, шумный и добродушный. Инночка знала, что последнее качество супруг в себе культивировал чуть ли ни с десятого класса. Когда они познакомились на выставке абсолютно бредовых гравюр какого-то общего знакомого, Славик был хорош, как молодой бог. Причем явно скандинавского происхождения. Белокурый и кудрявый, как юный Володя Ульянов, атлетичный, с очень светлой кожей и светло-голубыми глазами. Это сейчас она отчетливо понимала, что список достоинств молодого бога Славика исчерпывался белокуростью, голубоглазостью и прочей атлетичностью. У него было туго с юмором. Он это знал, и на всякий случай начинал хохотать в самый неожиданный момент, по делу и не по делу. Но чаще – не по делу. Она вдруг подумала: вот Генка, например, не хохочет никогда, кривовато улыбается, а если уж и хмыкнет – то все остальные от этой шутки просто полягут. И сам шутит крайне редко, но чрезвычайно остроумно, не меняя при этом отвлеченно-безучастного выражения лица... Что же касается Славика, то первый год их (или только ее?) любви она ничего вообще вокруг не замечала, потом была короткая пора, когда она пыталась сгладить, скорректировать его промахи, а потом плюнула и перестала морочить себе голову, чтобы не портить нервы.

Проще говоря, по прошествии стольких лет, когда никакие чувства к этому человеку способности Инночки к анализу уже не затмевали, она могла бы сформулировать сущность характера своего бывшего мужа коротко, но исчерпывающе: эгоист. Все эти перманентные хождения вокруг нее объяснялись предельно просто: Славика с ней было удобно. Во всех смыслах. Ее не стыдно было показать деловым партнерам в качестве жены – умна, хороша собой, отлично воспитана. В Славиковых кругах быстро и внезапно разбогатевших мужиков недолюбливали особенно остро, если их угораздило жениться на «мисках», длинноногих пустоголовых «Барби», победительницах локальных конкурсов красоты.

Инночка на «миску» не тянула, ни ростом, ни возрастом, тем самым успешно создавая иллюзию «старой» семьи с чувствами, которые люди пронесли сквозь годы... Был еще момент, не учитывать который было бы смешно: Славик тоже занимался дизайном. Правда, не в области полиграфии, как его бывшая жена, они у себя придумывали интерьеры для богатеньких. И офисные, и домашние, и дачные. А Инночка обладала природным безупречным вкусом, следила за новинками по специализированным журналам... Проще говоря, здорово было бы переманить ее к себе в фирму – и профессионал отличный, и деньги жене платить не обязательно. По крайней мере приличные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.